Татьянин дом

Автор:
Наталья Нестерова

Татьянин дом

Наталья Нестерова

Уж очень странной была первая встреча! Девять из десяти мужчин после знакомства с Татьяной сбежали бы без оглядки – а Борис в эксцентричной хозяйке элитного особняка узнал женщину своей мечты. Но Борис женат, а Татьяна едва оправилась после ухода мужа, да и вращаются они в разных кругах. Одним словом, легче разойтись. Но тут в жизнь Татьяны вмешиваются представители криминального мира, и Борис не может остаться в стороне…

Наталья Нестерова

Татьянин дом

Глава 1

Борис Кротов обещал сестре, что навестит ее в субботу. Люба с мужем, художником Васей, зимовала в глухой владимирской деревушке. После лечения у нарколога Вася скрывался от дружков-алкоголиков и ждал прихода творческого вдохновения. Вдохновение запаздывало, а деньги кончались. Люба сообщила по телефону, что у них осталось полмешка картошки, три хвостика моркови и один кочан капусты. Она не просила помощи у брата, но ее «представляешь?» говорили сами за себя. Представляешь, у нас кончаются дрова? Представляешь, я соседке продала свою дубленку? Представляешь, я уже две недели не видела кружочка колбаски?

Как все деликатные люди, сестричка умела создавать проблемы. Всполошила маму. В разговоре с ней загробным голосом твердила: «У нас все замечательно. Мы хорошо питаемся. Мы, наверное, станем вегетарианцами». Василий – вегетарианец! Да он скорее с желудком расстанется, чем от мяса откажется. Мама решила, что дочь и зять на пороге голодной смерти.

Борису пришлось расстаться с мечтами о беззаботном отдыхе: выспаться, поваляться на диване с детективом, погулять с дочерью в Измайлове, посмотреть за ужином фильм из видеопроката. Вместо этого – рынок, магазины, зимняя дорога. Крупные хлопья снега падают, словно дырявую перину кто-то наверху трясет.

Он ехал по Ярославскому шоссе и мысленно отчитывал сестру: «Ты могла позвонить неделю назад, когда стояла хорошая погода? Ты могла наведаться в Москву, взять у меня деньги, закупить продукты, и я бы отвез тебя в деревню? Нет! Тебе нужно заставить брата таскаться по рынкам и потом ехать неизвестно куда в сплошном снегопаде!»

Вряд ли он бросит ей эти упреки в лицо. Люба расстроится до слез и в следующий раз позовет на помощь только стоя одной ногой в могиле. Однажды подобное уже было. Почти двадцать лет назад, когда он после армии поступал в университет. Сколько ей было – десять, двенадцать? Последний экзамен, напряжение страшное, мама поехала с ним, ждала в толпе очумевших родителей. Вернулись домой, а Любаша белее мела, и глаза закатываются. Оказалось, что у нее уже сутки приступ аппендицита, а она терпела, боялась братику помешать. В больнице еле откачали, три часа операция длилась, на тощем животе шрам остался как от харакири.

Любаша не помнила отца. Он умер, когда ей было пять лет, а брату пятнадцать. С тех пор и до женитьбы она держала Бориса на коротком поводке: он нянчил ее в младенчестве, приводил из детского сада, отводил в школу, колошматил ее дружков-подростков, вытирал ей сопли-слюни в юности, писал курсовые работы в институте и играл роль сдаваемого в аренду старшего брата для ее подружек, лишенных собственных родственников мужского пола. Из армии писал сестричке длинные нудные письма про смысл жизни, а в конце просил внимательно переходить улицу.

Его педагогические усилия не пропали даром. Под машину Любаша не попала и выросла симпатичным человечком: с легкой придурью, но без подлости, с непомерными восторгами и отчаяниями, но без актерства. Он не променял бы ее на десяток других, самых совершенных родственничков. И хорошо, что Тоська, его дочь, пошла не в мать, не в отца, а в свою чикчирикнутую тетушку.

* * *

За Торбеевым озером на развилке он сверился с записью маршрута, который продиктовала сестра. Сейчас направо, поворот на Нижний Новгород. Далее прямо – до указателя «Площево». «Дворники» разгоняли снег на лобовом стекле в максимальном режиме, но только прочищали амбразуру в сугробе, налипшем на стекло. Борис внимательно всматривался в белый туннель. Не видно ни леса вдоль дороги, ни перекрестков – только хаотичное кружение снежных хлопьев.

Борис проехал уже двадцать пять километров, а нужного указателя все не было. Конечно, Любаша могла ошибиться. Расстояние, как и время, было для нее понятием относительным. Борис понизил скорость, теперь он еле полз, боясь пропустить указатель. Наконец увидел придорожный столб с табличкой. Прочитать невозможно – снег залепил. Борис остановился, вышел из машины. До столба три метра, и сугробы выше колена. Он чертыхнулся и, широко шагая, стал пробираться к нему. Расчистил перчаткой табличку – «Жулебино».

Вернулся в машину, открыл карту Московской области – так и есть, проехал поворот на Площево. Надо разворачиваться. Опасный маневр при плохой видимости и узкой дороге – того и гляди, кто-то в тебя въедет.

Черепашьим ходом он добрался до поворота, указателя не было, но деревня, кажется, виднелась. Через несколько минут он въехал на деревенскую улицу. Большинство домов засыпаны снегом по окна. Ни огонька, ни дыма из труб. Неожиданно прямо перед собой Борис увидел на обочине человеческий силуэт, открыл окно:

– Добрый день! Это Площево?

Силуэт, в телогрейке, ватных штанах, валенках, шапке-ушанке – половая принадлежность не определялась, – что-то ответил, но из-за вьюги Борис не

расслышал ни слова. Он вышел из машины и повторил вопрос.

– Площево, – кивнул то ли дед, то ли бабка. – А тебе куда надо?

– В Перематкино. По этой дороге я до Двориков доеду? А там налево, верно?

– Оно, конечно, верно, только от Двориков дорогу не чистят, – последовал ответ.

По тембру голоса Борис определил, что перед ним женщина.

– Не чистят? – глупо переспросил он.

Конечно, разве Любаше могло прийти в голову поинтересоваться, можно ли проехать в их деревню. Она думала, что брат на вертолете с запасами колбасы и тушенки прилетит. Или асфальт поверх снега проложит.

– Надо брать на Лизуново, – сказала дама в зимнем тюремном наряде, – потом на Гидеево, через Молокчу новый мост сделали, и затем на Перематкино. Там особняки выстроили, Федька Ексель-Моксель им дорогу чистит. Проедешь. А на Дворики не бери. Еще можно через военную часть, но круг большой делать, и Жуклино не проскочишь, там две бабки живут, тропинки и те прочистить не могут.

– Погодите, – остановил ее Борис, – давайте заново. Значит, еду прямо до…

– Лизунова, там увидишь, только направо, то есть, – женщина покрутилась на месте и определила, где у нее будет право и лево, – вот сюда не сворачивай. А дальше на развилке в Гидеево лучше спроси, там Зинка Кривая зимует, дом с красной крышей. Взяли моду шифер красить, ее сынок постарался. А дальше через речку рукой подать. После моста на горку въедешь и держись леса, он до Перематкина тянется. У тебя закурить не найдется? Поизрасходовался я на курево.

Это был мужчина! Борис всмотрелся в сизый от мороза треугольник лица, обрамленный ушанкой. Конечно мужик, щетина пробивается. Просто голос у него визгливый, женский. Хорошо хоть бабулей его не назвал. Борис поблагодарил, достал из бардачка пачку сигарет и отдал мужику. Маршрут он

представлял себе смутно. Но в третий раз попытаться выяснить дорогу не решился.

Борис колесил по сельским дорогам четвертый час, заезжал в пустые заснеженные деревни, катил вдоль мертвых домов, выезжал на дороги, по которым не было хода, поворачивал назад. Дважды машина буксовала, приходилось откапывать колеса. Он промок насквозь, вода хлюпала в ботинках, противно липли к телу брюки. На улице Борис мгновенно замерзал и, даже работая лопатой, не мог согреться. В теплом салоне несколько минут дрожал от холода и мысли, что, если съедет на обочину – все, без трактора не выбраться.

Метель не утихала, радио бодрыми дикторскими голосами сообщало о месячной норме осадков, упавших с неба. Быстро смеркалось, фары пробивали снежную завесу лишь на три метра. В довершение всех бед кончался бензин. Борис рассчитывал проехать обещанные двести километров, бак был заполнен на две трети. То ли счетчик барахлил, то ли расход топлива при медленной езде увеличился, но красная лампочка на панельной доске светила дьявольским глазом.

Борис уже давно повернул назад, в Москву. Вернее, принял решение ехать обратно, но двигался наугад, куда дорога выведет. Карта бесполезна – у деревень не было указателей, а по большинству дорог не проедешь.

Он уже не костерил сестру, а ругал себя. Надо было заправиться, а не искать в трех магазинах яичный шампунь от перхоти. Послушать прогноз погоды и сидеть дома. Давно пора купить сотовый телефон. Впрочем, куда по нему позвонишь? Приезжайте, вытащите меня неизвестно откуда, из Московской или Владимирской области. Или уже из Нижегородской? Он выключил радио, которое раздражало голосами и музыкой, несущимися из тепла, света и цивилизации. Потом снова включил – под завывания вьюги тащиться ночью сквозь снежную перину было совсем тошно.

Вспомнил примеры из классической русской литературы – сбившиеся с пути, замерзающие в метель герои. У Куприна есть рассказ «Мелюзга» о зимующих в глухой деревне фельдшере и учителе. Дома с сугробами на крышах. Волки забираются ночами в деревню и таскают собак. Героям кажется, что зима никогда не прекращалась и не прекратится, что другой жизни, с газетами, умными книгами, музыкой, женскими улыбками, и не существует. Они пьянствуют, развратничают с тупыми деревенскими бабами, опускаются до

мелочных обид и жгучей ненависти.

С тех пор климат наш не изменился, и о метелях по-прежнему лучше читать у домашнего очага. «Чтобы жить здесь, в сплошном снежном болоте, нужно быть либо духовно неразвитым, либо сверхразвитым – этаким самодостаточным философом», – думал Борис. Любаша и Василий ни к той, ни к другой категории не относились. И поселиться зимой в деревне – идея бредовая.

Стараясь не поддаваться панике, Борис медленно полз вперед, за каждым поворотом надеясь увидеть огни большой магистрали. Но никаких магистралей – только снег, ветер, черная мгла. Вдруг придется заночевать в машине? Мотор нельзя выключать, иначе перестанет работать печка. Удастся ли потом открыть дверь? Периодически выскакивать и откапывать ее? Развести костер? Бросить в него все, что горит. Утром в качестве знака бедствия зажечь запасное колесо. Забраться в какой-нибудь дом, подобно дачным ворам и бомжам?

Он представил, как рассказывает о своих приключениях дочери. Глаза Тоси возбужденно сверкают, и она сыплет вопросами:

– А ты испугался? И было темно-темно? А волки выли? А если бы тебе в туалет очень захотелось? Почему ты меня с собой не взял? Ой как жалко!

– И когда я почувствовал, вернее, потерял чувствительность рук и ног, я решился на преступление, – слегка привирает Борис и выдерживает эффектную паузу.

Тоська в страхе разевает рот. Пряча ухмылку, он продолжает:

– Нет, я никого не убил. Но вторгся в чужой дом. Из последних сил сорвал замок на двери и, теряя сознание, упал в коридор. Когда я очнулся в кромешной темноте, холодной и скользкой, как смола, услышал странное шуршание. Чиркнул спичкой – из углов на меня смотрели полчища голодных крыс.

– А дальше? – нетерпеливо требует Тося.

– Ну что дальше? Голыми руками задушил всех крыс. Приготовил их себе на ужин. Сидел у телевизора, курил и смотрел футбол.

– Это все неправда! – наконец соображает Тося. – Ты меня дурачил! На самом деле ты просто переночевал там, а потом оставил хозяевам записку и деньги! Ты меня разыгрываешь!

– Обожаю тебя разыгрывать. – Борис вслух подвел итог в мысленном диалоге с дочерью.

Антонине, Тосе, месяц назад исполнилось двенадцать лет, но для Бориса она всегда была в одном возрасте – умилительно и энергично детском, потому что чувство к ней не менялось с годами. Вернее, не менялось то, что дочь дарила ему, – энергия человечка, привязанного к тебе с восхищением наивного собственника. Жена Галина считала, что он балует дочь. Борис и не спорил – он был готов баловать Тоську всю оставшуюся жизнь. Летом дочь гостила месяц у бабушки, его тещи, в Воронеже. На вокзале, когда встречали Тосю, он ахнул – как вымахала. Но уже через несколько минут от внешней взрослости и следа не осталось, она снова превратилась в щебечущего по-птичьи, угловатого олененка-козленка. Появившаяся вдруг девичья стыдливость – папа, ты мужчина, выйди, я переоденусь – Бориса веселила, как все ее игры во взрослую барышню. Еще в детсадовском возрасте Тося любила нацепить мамины туфли и юбку, взбить волосы, накрасить губы и фланировать с гордым видом по квартире. Каблуки грохотали по паркету, она наступала на подол, падала и в досаде размазывала помаду по щекам. Борис хохотал, Галина возмущалась, а Тоська грозила им – вот погодите, я вырасту. Но не росла, физически, конечно, развивалась, но для него оставалась все тем же существом, непостижимым образом сочетающим теплоту парного молока и костлявость Буратино.

Мысли о дочери отвлекли Бориса, и, увидев неожиданно вынырнувшую из темноты арочную конструкцию, он резко нажал на тормоза. Машину занесло, но она удержалась в колее. Похоже на навес над мостом – такие делают, чтобы по мосту не ездили большие грузовики. Значит, внизу река. Сильных холодов не было, лед не прочный. Чуть в сторону – и съедешь в реку, уйдешь на дно. Разворачиваться? Или рискнуть? Позади две пустые деревни, впереди, возможно, есть люди. У людей, возможно, есть бензин или хотя бы внятное объяснение, как выбраться из этой глухомани.

Борис медленно тронулся с места, проехал по мосту. Дорога ушла влево и стала подниматься на гору. «Жигули» ползли исключительно его молитвами. Въехав в поселок, он облегченно вздохнул – сразу два огонька. Один вдалеке маленький, мерцающий, к нему надо двигаться направо. Другой более яркий и расположен

так высоко, что кажется звездой, к нему налево.

Снег по-прежнему сыпал, но воющего ветра уже не было. Неожиданно стихнувшая метель и огоньки на полюсах видимого пространства напомнили Борису те минуты в театре, когда после секундной темноты раздвигается занавес. Пьеса еще не началась, глаза выхватывают на сцене только отдельные детали, и ты замираешь в предвкушении действа.

Какое к лешему «действо»? Кто может жить зимой в этом медвежьем углу? Брошенные старики, спившиеся колхозники-совхозники. Самогон, может, у них и есть, но им машину не заправишь. Борис повернул налево. Проехал меньше километра, забуксовал, и тут же кончился бензин, мотор заглох.

Кротов вышел из машины, закрыл двери на ключ и двинулся к освещенному дому.

У кованой калитки он остановился, отдышался. Большущий дом, в окнах двух верхних этажей ярко горит свет, а на первом – полумрак и маленькие огоньки, похоже от свечей. Вовсе не жилище обнищавших крестьян. Скорее – графская обитель. В такую метель у камина, с рюмочкой бренди, под тихую музыку – красота. Будем надеяться, что фамилия у хозяина не Дракула, он не прижимист и нальет заблудившемуся путнику стаканчик для обогрева.

Борис открыл щеколду на калитке, шагнул вперед и тут же, оглушенный и ослепленный, свалился на колени. Мощные прожекторы, дикий вой сирены, и он стоит на четвереньках, трясет головой, пытаясь прийти в себя.

Светопреставление продолжалось несколько секунд, но показалось часом. Прожекторы погасли, вой сирены внезапно прекратился, потух свет в верхних этажах дома. Зрение и слух медленно восстанавливались, а когда окончательно вернулись, Борис заметил на крыльце жуткую фигуру. Старуха, ведьма! В черном балахоне, нечесаные волосы торчат во все стороны, а в руках держит… точно, двустволку.

– Все спокойно, не волнуйтесь. – Продолжая стоять на коленях, Борис скрестил на груди руки. – Я вам не причиню вреда. Я заблудился. Хотел бы купить бензин, если есть, и спросить дорогу до Москвы.

– Вас привело сюда провидение, – сказала старуха. – Можете подняться. – Она слегка качнула вверх ружьем.

У нее был удивительно молодой голос. Очевидно, местная особенность – старики и старухи говорят здесь голосами скопцов. Борис медленно встал с колен, не отнимая рук от груди.

– Вы не могли бы убрать ружье? – ласково спросил он.

– Не могла бы. Оно такое приятно тяжеленькое. И очень хочется на курок нажать. Оно, к сожалению, заряжено. Для вас, к сожалению, а мне пульнуть хочется. Но вы мне нужны.

– Да, да, главное, не волнуйтесь.

Борис сделал несколько шагов вперед, прикидывая, как вырвать у старой карги ружье. И тут она понесла такое, что он замер в изумлении:

– Вы мне нужны для похорон. Надо придать моих девочек земле. Их пятеро: Виолетта, Генриетта, Изабелла, Гарсиелла и Просто Мария. Они умерли. От любви. – Старуха мерзко всхлипнула. – Хорошо бы всех самцов перестрелять. Вы самец?

– Ни в коем случае, – пробормотал Борис. Сумасшедшая. Что это за место? Куда он попал? Есть ли здесь еще люди? О да.

– Петровна! – раздался крик с улицы.

Старуха проворно сбежала с крыльца, тычком ружья заставила Бориса развернуться и оставила дуло воткнутым под его лопатку. К калитке на лыжах подъехал мужичок.

– Петровна, ексель-моксель, я твоему сыну говорил, что эта сигнализация, ексель-моксель, нам весь свет вырубит. Так и случилось. А если предохранители, ексель-моксель, полетели?

– Завтра разберемся, Федорович, – проворковала карга. – А ко мне знакомый приехал погостить.

– Так я вижу, ексель-моксель, машина застряла, снегу навалило, теперь трактором вытаскивать.

Только Борис собрался намекнуть, что ему нужна помощь, чтобы избавиться от чокнутой старухи, как Федорович сам выдал несусветное:

– Петровна, девочки-то твои сдохли? – Старик хохотнул. – Мой Васька их доконал?

– Да, Федорович. Он настоящий сексуальный маньяк. Завтра я его лично зарежу.

– Пожалей мужика! А девочек мне отдай, я их собакам скормлю.

Борис судорожно сглотнул. Происходящее все больше напоминало фильм ужасов. Деревня извращенцев. Снега, сугробы, особняки, ружье в спину, горы трупов, свихнувшиеся старики.

– Нет, они будут похоронены, – возразила старуха. – Жалко, без музыки: я уже кассету Моцарта поставила, а света нет. И могильщик вот у меня есть. Правда?

Борис получил очередной тычок в спину.

– Э-э-э, – протянул он. – Не могу похвастаться, что большой в этом деле специалист.

– Без музыки любой дурак сумеет, – рассмеялся Федорович. – Ну, бывайте, – он развернул лыжи, – завтра я тракторишко подгоню, вытащим, ексель-моксель, машину. Или, может, не торопиться? – Борису послышался заговорщический смешок. – Вы, ексель-моксель, погостите, если понравится? – снова хохотнул.

У Бориса прокатила по спине волна озноба. Более всего он желал убраться отсюда. Немедленно – пешком, на четвереньках, ползком, как крот, зарываясь в сугробы, – только убраться.

– Я был бы вам признателен… – Борис не договорил, получив болезненный удар дулом ружья.

– До свидания, Федор Федорович! – попрощалась старуха. – Спасибо вам!

В ее голосе была ласковость палача, который, поигрывая кнутом, просит посторонних удалиться: «Вы идите, а нам тут побеседовать нужно».

Если бы старая бандерша держала в руках кнут, Борис в два счета с ней бы справился. Показал дряхлой ведьме, как нападать на людей, – месяц бы стоя мочилась. Но заряженная двустволка, приставленная к спине, не прутик и даже не нож.

Маньяк Федор Федорович укатил, а Бориса, подталкивая ружьем, погнали в дом.

– Послушайте. – Борис оглядывался через плечо и пытался смягчить или хотя бы понять свою участь. – Давайте поговорим спокойно.

– Нет, я же знаю. Вы хотите забрать у меня дух-дух-двухстволку. А я хочу из нее стрельнуть. Не злите меня, а то я не стра… не скра… не справлюсь со своими желаниями.

Она еще и пьяна! Язык заплетается, спиртным от нее несет. Необходимо срочно избавиться от старухи. Выпасть из зоны обстрела.

Они поднялись по ступенькам крыльца, вошли в темный дом. Борис резко упал на пол и откатился в сторону. Далеко откатиться не удалось. Два поворота, и Борис врезался в стену. Тут же ему в ухо уткнулся холодный ствол.

– Ну почему вы себя так отвратительно ведете? – раздраженно прошипела баба-яга. – Все-таки, наверное, самец! Сейчас как пульну! Будете потом свои внутренности собирать. Нет, вы не будете. Тогда я, что ли? Не дождетесь! Как будто трудно девочек похоронить! Если бы вы знали, какие они хорошенькие были, совсем молоденькие. Виолетта блондиночка, Генриетта рыженькая, Изабелла дружила с Просто Марией…

Лежа на полу, слушая пьяный бред о покойницах, отворачивая лицо от елозящего по нему дула, Борис приготовился к атаке. Но только он пристроил руки, чтобы быстро схватиться за ствол и рвануть его резко в сторону и вверх, как старуха убрала ружье.

– Вставайте! Развалился здесь. Падший какой-то. Вставайте, пошли. И без фокусов, если сделаете все, как надо, останетесь в живых. Я правильно сказала? Есть какая-то фраза… Делай, что я говорю, и будешь жить. Нет, по-другому. Жить или не жить… Это из другой оперы. Самец, ты меня понял?

Дуло ружья вновь было приставлено к его спине.

– Отчетливо понял, – сказал Борис, поднимаясь. – Я буду вести себя хорошо, а вы не станете в меня пулять. Свою половую принадлежность, к сожалению, я мгновенно изменить не могу. Но она не должна вас пугать. Может быть, мы познакомимся? Меня зовут…

Он с ходу врезался в стену.

– Дверь открой, – приказала старуха, – идиот, а туда же – с половой принадлежностью.

Они вошли в комнату, размеры которой не угадывались в темноте. На низком столике горели свечи в подсвечнике, но они освещали только бутылки и тарелки на столике.

– Направо, – командовала старуха, – осторожно, ступеньки. Здесь стоять. Не дергаться!

Не убирая ружья от его спины, она выдвинула какой-то ящик, зашуршала полиэтиленом. На плечо Бориса что-то легло.

– Возьмите, – сказала ведьма.

Резиновые перчатки, большой пакет для мусора.

– Вперед! – Она подтолкнула его к выходу. Они вышли на улицу через другую дверь, и конвоирша погнала Бориса к сараю: – Вот тут они лежат! Мои девочки! Открывайте дверь!

Борис подчинился. Он двигался как в дурном сне – медленно, обреченно и с тайной заинтересованностью: что будет дальше? Вспыхнул луч фонаря, который держала старуха. Солома, клетки, насесты, запах курятника. Так и есть, на шесте сидит нахохлившийся петух.

– Убийца проклятый! – обозвала его старуха. – Девочки на полу. Наденьте перчатки. Кладите их в мешок. Изабелла, Генриетта, – перечисляла старуха и шмыгала носом.

Борис с трудом унял нервный смех. Дохлые куры! Никаких кровавых преступлений, маньяков и серийных убийц. Нормальная шизофрения.

Сложив птиц в мешок, он спросил почти весело:

– И что дальше?

– Будем хоронить. Лопата и лом на улице. Я покажу где.

С лопатой и ломом в руках Борис почти совсем успокоился. Неожиданно присев, резко развернуться и ломом выбить ружье у старухи – дело нехитрое. А если старой карге заодно достанется по черепу, так она этого вполне заслужила. Но сначала он решил предпринять еще одну попытку мирных переговоров.

– Бабуся, – сказал Борис, – закопаю я ваших девочек, не беспокойтесь. Но ружье от моей спины вы лучше уберите. Руки, наверное, у вас уже устали его держать. Не ровен час пульнете.

– Вот здесь, – старуха осталась глуха к дипломатическим соглашениям, – разгребайте снег, копайте.

Облегчение, которое он испытал, поняв, что не придется хоронить трупы изнасилованных девушек, избавило Бориса и от нервного страха быть застреленным сумасшедшей бабкой. «Черт с ней, – решил он, – не буду драться с

умалишенной». Он отбросил снег лопатой, несколько раз ударил по замерзшей земле ломом. Откололись небольшие кусочки.

– Бабуля, – оглянулся Борис, – мне тут до утра могилку курочкам копать.

Он выразительно покачал ломом, как бы взвешивая его перед метанием.

– Ладно, – смилостивилась старуха, – зарывайте в снег.

Борис бросил мешок на расчищенный участок и стал забрасывать его снегом. Закончив возведение куриного пантеона, он повернулся: фонарик воткнут между ветками дерева, а старухи след простыл. Борис чертыхнулся, взял фонарик и, освещая им тропинку, пошел к дому.

В приоткрытую дверь он вошел в тамбур, миновал коридорчик и оказался в комнате со свечами.

– Бабуля! – позвал он. – Как насчет того, чтобы поднести рюмочку похоронной команде?

Старуха не показывалась, но откуда-то из темноты раздался ее голос:

– На столе выпивка и закуска. Пижама на диване. Спать на втором этаже. В любой комнате. Свечи не забудьте погасить, куриный могильщик.

Ведьма, она еще и обзывается! Напрасно он все-таки не заехал ей ломом. И похоронил бы заодно с Генриеттой и Изабеллой.

Борис подошел к столу, осмотрел бутылки. Богато живут – коньяк, джин, ликеры. Он так вымотался, что даже есть не хотел и равнодушно отодвинул тарелки с ветчиной, овощами, сыром. Налил себе почти полный стакан коньяку и выпил залпом. Согрелся, правда, только изнутри. Что ему еще предлагали? Пижаму. Вот она, фланелевая, мягкая.

В доме тишина. Похоже, что, кроме придурочной курятницы, здесь никого нет. Машина завалена снегом, бак для бензина пуст. Дорогу на Москву он не знает. Он отчаянно замерз, промок до трусов, устал от ползания по зимним селам и

чудачеств местных обитателей. Нечего сказать, выходные удались. Может ли он сейчас предпринять какие-либо действия? Может. Завалиться спать.

Борис взял пижаму, потушил свечи, включил фонарик, обнаружил лестницу и двинулся по ней. На втором этаже открыл первую попавшуюся дверь. Кровать с подушками и периной имеется. Отлично. Он сбросил мокрую одежду на пол, натянул пижаму. Коньяк уже слегка ударил в голову. Забравшись под одеяло, подумал, что нелишним было бы забаррикадировать дверь. «Минутку отдохну и встану». Через секунду он крепко спал.

* * *

Утром, едва открыв глаза, Борис обнаружил, что наваждения продолжаются. Теперь это были зрительные галлюцинации. Прямо на него смотрело солнце – каким его рисуют дети. Желтое, яркое, с глазищами, улыбкой от уха до уха и ореолом лучей вокруг. Борис зажмурился и сосчитал до десяти. Чуть приоткрыл один глаз – солнце по-прежнему улыбалось. Борис широко распахнул глаза и присмотрелся. Это не видение! Это витраж во всю стену-окно! Комната имела форму трапециевидного параллелепипеда, вроде молотка, и большая наклонная стена представляла собой веселый витраж. Солнышко, птички-зайчики, листочки-цветочки. Славная картинка, но предупреждать надо, чтобы человека до инфаркта не довести. Жизнерадостный эффект от витража усиливался оттого, что комната выходила на восток и нормальное живое солнце светило прямо в своего двойника. Где это солнце вчера было?

Борис откинул одеяло и спустил ноги на пушистый ковер. Куча его мокрой одежды пропала. На полу стояли только чужие мужские тапочки. А на нем пижама в арестантскую полосочку.

– Очень мило, – буркнул он. – Теперь меня решили и раздеть по случаю.

Бабусе потребовалась еще какая-нибудь страшная работа. Гоняйся теперь по дому за ней, выкручивай руки, чтобы забрать свои штаны. И документы, между прочим.

Борис надел тапочки и вышел из комнаты. Он оказался в небольшом холле, в котором увидел шесть дверей. Он стал открывать их по очереди. Спальня, еще

спальня, кабинетик, туалет с душевой кабиной. Вовремя встретился. Последняя дверь вела в зимний сад, который представлял собой веранду, застекленную с трех сторон и залитую светом предательского солнца. Кадки с растениями, полки с цветочными горшками, журчащий фонтанчик, обложенный крупными камнями и галькой. Этажерки с длинными ящиками для рассады. Кое-где уже пробились тоненькие зеленые побеги. Борис подошел ближе и прочитал табличку на одном из ящиков: «Гелихризум», на другом: «Лобулярия».

– Гелихризум вашу лобулярию! – проговорил он как ругательство.

Одна из дверей закрыта на ключ, торчащий с внешней стороны. Борис повернул его – вновь небольшой холл и лестница на третий этаж. «Мне туда не надо, вряд ли старуха спряталась наверху и для маскировки оставила ключ в двери», – подумал он.

Борис спустился вниз и присвистнул, рассматривая помещение. Он еще вчера понял, что живут здесь люди небедные, а старуха у них вроде сторожа-надсмотрщика. Но владельцы коттеджа еще и обладали недюжей фантазией или обратились к талантливому дизайнеру. По сути, весь первый этаж представлял собой единое помещение примерно в сто с лишним квадратных метров, и в то же время в нем было несколько разных комнат и секций, со стеллажами и мебелью. Потолок разноуровневый, в одном месте со стеклянной крышей. Поток солнечного света лился широким столбом в маленькую гостиную с плетеной из лозы мебелью. Столик между диванами – похоже, тот самый, на котором вчера был накрыт интимный ужин алкоголички. Теперь от пиршества и след простыл. В дальнем отсеке, затемненном, с низким каменным потолком, находился камин, на его полочке куча безделушек. Кресла у очага уже другого стиля – вольтеровские. За выгородкой из гладкого черного дерева библиотека – книги не на стеллажах, а в красивых шкафах, украшенных резьбой. Книг много, но рассматривать их было недосуг.

Он невольно потрогал дерево, вокруг которого вилась лестница, идущая на второй этаж. Вначале Борис решил, что оно мраморное, но, проведя по нему рукой, убедился – натуральное. Кто-то с невероятной тщательностью снял кору со всех ветвей кроны, отшлифовал каждый сучок. И теперь эта махина, устремившись вверх, наподобие атланта, держала потолок.

– Ау! – позвал Борис. – Мамаша, где вы? Отдайте штаны!

Старуха не отозвалась, Борис продолжил обследование помещения.

Несколько ступенек вниз – на них он едва не навернулся вчера в темноте, – и он попал на кухню. Современный мебельный блеск дубового шпона, граммофон вытяжной трубы из нержавейки над плитой. От столовой кухню отделяла длинная стойка бара с подсвеченным навесом, на котором ножками вверх бежали ряды фужеров.

Между кухней и гостиными Борис увидел две двери. Толкнул одну, слегка повеяло холодом, он прошел через тамбур и оказался на летней веранде, из нее, очевидно, они и выходили на улицу для похоронных мероприятий. Борис поежился от холода и вернулся в дом. Ни звука, ни шороха – как в заколдованном замке. Не преставилась ли старушка? Отправилась вслед за своими курочками и валяется где-нибудь. Где?

Борис открыл последнюю необследованную дверь. Маленький коридор привел его в большой. Три двери – две в торцах, одна прямо напротив Бориса. Сколько он уже дверей открыл за эту экскурсию? Та, что была в левом торце, привела в бассейн – небольшой, три на два метра, отделанный кафелем, вода в нем призывно голубела. Борис сбросил тапку и потрогал воду ногой – чуть прохладная. Сколько же надо электричества, чтобы обогревать все эти хоромы?

За дверью в правом торце оказался предбанник. Пахнуло разогретым паром. Так и есть – кто-то баньку истопил. Борис заглянул в парную. В предбаннике он обнаружил свои вещи – сухие, отутюженные, висящие на пластиковых плечиках. Грязные носки положены в пакет, а рядом покоятся новые, перехваченные у резинки бумажным ярлыком. Так-так, ему предлагают попариться. Чтобы тепленького в парилке… что? Что задумала сумасшедшая карга? Или она таким образом покаяния просит?

Борис вернулся назад и распахнул последнюю, третью дверь коридора. И почти сразу тихо прикрыл. Открывшуюся ему картину он наблюдал несколько секунд, и столько же она стояла у него перед глазами, когда он обескураженно топтался в коридоре.

Молодая женщина! Голая! Она стояла спиной к нему в ванной и сушила феном волосы, русые, с рыжинкой, пружинисто-волнистые. Однажды Галине в парикмахерской пережгли химической завивкой волосы, и они торчали мелким

бесом, а на ощупь были проволочно-жесткими. А у этой голой девушки казались легкими и воздушными, как пух.

И все же дыхание Бориса остановилось не от лицезрения ее гривы. Две ямочки там, где спина переходит в ягодицы, – от них словно током ударило. Эту красивую спину из бледно-розового мрамора лепил античный скульптор, и был он явно сладострастником – оглаживая талию, надавил внизу двумя пальцами по обеим сторонам позвоночника, и получились ямочки – эротические капканчики на границе с возбуждающей возвышенностью.

Борис тряхнул головой, стараясь отогнать мысленное видение. Кто она такая? Подождать в гостиной, пока выйдет? Куда подевалась старуха? В кино пошла – хорошо бы и не возвращалась. Ему явно предлагалось принять баньку. Почему бы и нет? А потом? Суп с котом. Рассматриваем предложения по мере их поступления. Девушка только из баньки, случайно, а возможно, и намеренно, показала ему свою спинку – орудие мужской деморализации. Его вещички тоже сложила в предбаннике с намеком – помойся, дружок. Намек понят. В здоровом теле здоровый дух, или в чистом теле чистые помыслы. После лицезрения мраморной спинки он мог обещать только чистое тело.

Борис отправился в предбанник, сбросил пижаму и зашел в парную. Он любил баню, а парная в буржуинском замке с привидениями была знатной: работала и в режиме финской сауны, и как русская парная. Сначала Борис немного пожарился в сухой девяностоградусной сауне, потом отдохнул, укутавшись в простыню и подождав, пока пот перестал выходить из пор. Вылил из ковшика ароматную воду из ушата на камни, отхлестал себя веником. Хорошо бы рыжеволосая нимфа его попарила, прошлась веничком. Но нет, не удостоился чести.

Борис трижды заходил в парилку и дважды с гиканьем плюхался в бассейн. По коридору до бассейна шествовал голышом. Если девушка подсматривает – на здоровье. В свои тридцать восемь лет он хотя и потерял былую поджарость, но жирком не заплыл. Умеренная мужская волосатость, пропорциональное тело, рост средний, намечающееся облысение можно списать на природный сократовский лоб.

В ванной Борис нашел новый бритвенный станок – конечно, самый современный, с тремя лезвиями, пенку для бритья и лосьон. Вымыл голову шампунем «для мужчин на каждый день», который выбрал из батареи других, выставленных на

зеркальной полочке. Воспользовался аэрозольным дезодорантом – теперь он благоухал чужими запахами чужого дома. Надел свои брюки, рубашку и джемпер, натянул новенькие носки. Готов. Что дальше в программе?

После хорошего сна и баньки вчерашние волнения в дороге и ночью в этом чудном доме воспринимались как забавные происшествия. Его размеренная жизнь университетского преподавателя не богата приключениями, и сейчас Борис испытывал своего рода азарт и благостное веселье – чем еще порадуют аборигены?

Девушку он нашел на кухне, она жарила на плите яичницу. Одета в белый свитер крупной вязки, черные джинсы, кроссовки. Волосы убраны в простенький узел на затылке. Но волос так много или они столь пышные, что на висках и темени приподнимаются мягкой шапочкой. Несколько пружинок выбились из узла и вились по шее.

– Доброе утро! – поздоровался Борис.

– Здравствуйте. – Девушка слегка развернулась к нему, но глаз не подняла.

Ей лет двадцать пять. Кожа на лице тонкая, удивительного розоватого оттенка, который бывает у рыжих людей, не уродующих свое достояние солнечным загаром..

– Меня зовут Борис, Борис Владимирович. – Он поправился по академической привычке иметь дело со студентами ее возраста.

– Татьяна Петровна.

Она произнесла имя-отчество с легкостью, которая молодежи несвойственна. Тоненькие лучики морщинок вокруг глаз – нет, пожалуй, тридцать уже исполнилось.

Говорят, на курсах психологического тренинга людей, желающих добиться успеха, настойчиво учат смотреть при разговоре собеседнику в глаза. Общаться с человеком, который рассматривает бородавку у тебя на щеке или обои за твоей спиной, в самом деле неприятно. Вести же диалог с женщиной, вообще не

поднимающей глаз, – неловко вдвойне. Татьяна Петровна не отрывала взгляда от пола своей кухни, лишая возможности Бориса не только определить, хороша ли она собой, но вообще сложить о ней какое-либо мнение.

– Завтрак готов. – Она приглашающе повела рукой в сторону столовой за баром.

Борис уже сутки обходился без еды и сейчас почувствовал зверский голод. Он обошел стойку и уселся за стол. Здесь было все, что может входить в обычный завтрак, и все сразу: апельсиновый сок в высоком стакане, сыр, ветчина, йогурт, творог, сметана, горячие гренки, джем, тарелка геркулеса, обжаренные до золотистой корочки маленькие сосиски с воткнутыми в них палочками. Татьяна Петровна принесла две порционные сковородки с яичницей и села напротив. Борис выпил сок, расправился с кашей, сделал бутерброд с сыром и ветчиной, принялся за яичницу. Девушка вяло ковыряла вилкой в сковороде, а он съел творог со сметаной, закусил йогуртом, обнаружил, что пропустил сосиски, и распробовал их после сладкого йогурта. Борис знал, что женщинам нравятся мужчины с хорошим аппетитом, потому, не смущаясь и не деликатничая, сметал завтрак, которого бы хватило на троих.

Когда он стал намазывать джем на гренки, Татьяна Петровна спросила:

– Чай или кофе?

До этого вопроса молчание за столом нарушал только звук жующих челюстей Бориса.

– Кофе, пожалуйста, – попросил он. Татьяна Петровна убрала тарелки, поставила чашки и стеклянный кофейник.

Теперь можно и поговорить, решил Борис. После вчерашних злоключений он испытывал легкое превосходство человека, ожидающего извинений за неблаговидный поступок.

– Вы здесь живете, Татьяна Петровна? – спросил он.

– Да.

– Это ваш дом? – уточнил Борис.

– Да. – Она снова кивнула. И по-прежнему не поднимала глаз.

– Вместе с бабулькой, которая на курочках свихнулась? – улыбнулся Борис.

Легкое замешательство. Очередной кивок.

– Ну что поделаешь, – сказал он покровительственно. – К сожалению, старость часто омрачается помутнением сознания. У матери моего приятеля, директора крупного завода, началось старческое слабоумие. Убегает из дому и поет в метро. Представьте: стоит в переходе и горланит «Ой, кто-то с горочки спустился…», люди ей деньги подают. Соседи увидят, звонят ему: Сергей Сергеевич, ваша мама опять поет. Он срывается с работы, тащит ее домой. Сиделку нанял, но мать все равно с изощренной хитростью умудряется улизнуть на промысел.

В ответ на рассказ, предполагавший развитие темы – теперь вы поделитесь, как страдаете от сумасшедшей бабки, – Татьяна Петровна обронила:

– Печально.

– Но ружье, двустволку, все-таки припрячьте, – посоветовал Борис. – Опасно такие вещи держать в доступном для нее месте.

– Оно не заряжено, – сказала Татьяна Петровна, водя черенком чайной ложки по скатерти.

– Ну знаете! – возмутился Борис. Значит, он вчера вел себя как последний идиот, демонстрируя навыки гробокопателя. – Пьяная старуха, с ружьем, в пустынной деревне… Ее место в дурдоме. Кто она вам? Где она сейчас?

Татьяна Петровна, наконец, подняла глаза – зеленые, в обрамлении пушистых светлых ресниц. Не привычные черные, а чуть с рыжиной, они лишали лицо яркости, выразительности и в то же время подчеркивали замечательный цвет кожи.

– Пьяная старуха перед вами, – выдавила Татьяна Петровна. – То есть уже, конечно, протрезвевшая. Кроме меня, здесь никого нет. Это я вас вчера гоняла с берданкой по двору.

Борис поперхнулся кофе и откашливался излишне долго, чтобы прийти в себя. Свалять такого дурака – не отличить молодой женщины от старухи, обзывать ее слабоумной. Что его сбило с толку? Волосы! Конечно, если эта девица распустит свои волосы, они будут торчать во все стороны – при свете, возможно, милая картина, а в темноте она походила на ведьму.

– Мне очень неловко, – винилась между тем Татьяна Петровна, – просто не найду слов для извинения. Видите ли, дело в том… Все люди, выпив спиртного, меняются, кто-то больше, кто-то меньше, а я… совершенно карикатурным образом. Просто затмение находит, туман, ересь, кошмарные сдвиги сознания. Я читала, что ученые спорят, существует ли патологическое опьянение. Пора, наверное, отдавать себя в руки науки. – Она беспомощно улыбнулась. – Все дискуссии прекратятся, если выставить меня после нескольких рюмок спиртного. Начинаю так чудить – выносите всех святых. Да вы сами видели. Я вообще-то никогда не пью. А вчера гостей не ждала и очень расстроилась из-за смерти этих несчастных кур.

– Виолетта, Изабелла, – кивнул Борис.

– Мне их летом принесли. Маленькие желтые комочки, очень трогательные, симпатичные. Я к ним привязалась, а когда они выросли, то почему-то не неслись. Федор Федорович уговорил взять петуха Ваську, который устроил настоящий бедлам… А дальше вы знаете. Еще раз прошу извинить меня.

Она смотрела прямо на Бориса почти умоляющим взглядом. Потом выражение ее лица сменилось на удивленное – Борис принялся хохотать.

– Сирена, прожекторы, как в концлагере, – веселился он, – я по-пластунски ползаю. Мне сообщает, – он едва не сказал «старая ведьма», – экстравагантная особа о трупах замученных девушек. А тут еще ваш Федор Федорович – давай их собакам скормим. Ну все! Притон, шайка маньяков, ружья, в которые «очень хочется пульнуть», – передразнил он. – Курочек дохлых увидел, чуть не расцеловал их от счастья.

– Кошмар, – улыбаясь, согласилась Татьяна Петровна. – Хорошо, что у вас оказалась крепкая психика.

– Сам удивляюсь.

– Эту систему сигнализации мой сын выдумал. Перемудрил.

У нее есть дети, что естественно. И богатый муж, построивший особняк. Но почему он держит ее тут, в отдалении? У богатых свои причуды.

– Сколько лет вашему сыну? – спросил Борис.

– У меня сын и дочь, двойняшки. Им двадцать два. В прошлом году институт закончили.

Значит, ей перевалило за сорок, высчитал Борис.

– А муж чем занимается? Я потому спрашиваю, – объяснил он свое любопытство, – что больно замечательный у вас дом.

– С мужем мы разошлись. Дом я построила сама. Не своими руками, конечно, но своими идеями, скажем так. Борис Владимирович, – перевела она разговор на другую тему, – вы, кажется, говорили, что вам нужен бензин?

– Совершенно верно. Крайне нужен. Я ехал к сестре, но заблудился, и бак в машине пуст как барабан.

– В гараже есть канистра с бензином, но я не знаю, какой марки.

– В данных обстоятельствах выбирать не приходится. Продадите мне несколько литров?

– Какая может быть продажа, – отмахнулась Татьяна Петровна. – Берите, конечно. Еще кофе?

– Благодарствуйте. Также признателен вам за приют, баню, отутюженную одежду и предметы туалета.

– Ну, если это хоть немного сгладило мое вчерашнее поведение, я рада. – Татьяна Петровна улыбнулась и встала.

Борис поднялся вслед за ней. Интересная женщина: глазки в пол, и банька тебе, и завтрак королевский, но явно чувствуется, что на романтическое продолжение рассчитывать не приходится.

– Вы здесь постоянно живете? – спросил он, пока они шли к прихожей, где она переобулась в валенки, надела дубленку, а он свою куртку.

– Да. Только изредка наезжаю в Москву.

– Одна во всей деревне? И этот, погодите-ка, Ексель-Моксель, я о нем слышал в… в Площеве.

– Федор Федорович. Он никогда не ругается нецензурными словами, но через слово вставляет ексель-моксель. Поэтому и прозвали. Он тут с женой живет.

– И больше вокруг никого? – допытывался Борис.

– На дальнем конце деревни несколько старушек. А летом много дачников, вы увидите, сколько домов настроили. Раньше была неперспективная, умирающая деревня. А еще раньше – богатая, красивая.

– Как она, кстати, зовется?

– Смятиново. Борис Владимирович, – она остановилась у выхода на улицу, оглянулась и посмотрела на его ноги, – давайте я вам валенки дам. Иначе, пока с машиной будете возиться, снова промокнете. Снега выпало много.

Борис не стал отказываться. Они вышли на улицу и остановились на крыльце. Снега действительно навалило. Он припорошил тропинку, ведущую к калитке, лежал тоненькими полосками на ветках деревьев, сугробиками на лапах елей. Солнце играло в мириадах его хрусталиков, и они искрились, посылая в глаза

несчетное количество солнечных зайчиков. Борис невольно прищурился.

– Красота какая! Тишина, воздух. – Он вздохнул полной грудью.

– Самое удивительное, – согласилась Татьяна Петровна, – что необыкновенно красиво каждый день. И каждый день по-новому. Не устаешь восхищаться, потому что не бывает повторов.

Они услышали шум работающего мотора. Подошли к калитке. Федор Федорович на небольшом тракторе расчищал дорогу. Он уже поравнялся с «Жигулями» Бориса. От машины до калитки было метров двести. Борису вчера показалось, что он преодолел по сугробам не менее километра.

Увидев их, Ексель-Моксель заглушил мотор, вылез из трактора и подошел.

– Мое почтение, – поздоровался он, – с хорошим вас деньком. Петровна, ексель-моксель, свет я починил, но ты так больше не балуй. Бабки наши чуть выкидышами, ексель-моксель, вчера не разродились.

– Далеко ли отсюда до Перематкина? – спросил Борис.

– Пять километров, – ответил Федор Федорович. – Но на машине, ексель-моксель, не проехать – дорогу в этом году, ексель-моксель, не чистили, а после нынешней метели только на большом тракторе, ексель-моксель, можно убрать. Разве на лыжах идти. У меня была лыжня по лесу, так тоже небось, ексель-моксель, занесло.

– К сударушке ходили? – усмехнулась Татьяна Петровна. – У Федора Федоровича в радиусе пятнадцати километров во всех деревнях есть сударушки, – пояснила она Борису.

– А что? – заулыбался старик польщенно. – Я, несмотря на свои семьдесят три года, еще мужчина в полном расцвете сил. Как Карлсон, ексель-моксель, – хохотнул он. – Правда, прежде радиус обстрела больше был – до шестидесяти километров.

На Карлсона Федор Федорович никак не походил. Скорее – на Мужичка с ноготок. Маленький, юркий, крепкий. Совместная работа – Татьяна дала им лопаты раскопать дверь в гараж, заодно и дорожки расчистили – подтвердила выносливость старика. В отличие от Бори, которому не помешало бы снова душ принять, Федор Федорович не взмок, одышки у него не наблюдалось. Молодец старик. По всему видать, сельский балагур и весельчак. Ексель-Моксель с расспросами к Боре не лез, только имя-отчество выяснил и стал звать Владимировичем.

«Платит ли ему Татьяна? – думал Боря. – Наверняка на зарплате старичок. Ишь как старается, будто для себя работает».

Гараж находился под домом. И тут же, за стеной, подвал со стратегическими запасами провизии: батареи банок с консервами, колбасы и окороки, подвешенные на крюки, стеллаж с винными бутылками, бочонки с квашеной капустой и огурцами, ящики с картошкой, свеклой, морковью. Прямо для атомной войны приготовились. Мужа у Татьяны нет, но определенно есть богатый содержатель. Из тех, что в детстве недоедали, и теперь для них обилие складированных продуктов лучший, чем счет в банке, показатель богатства и достатка. Борис представил себе самодовольного толстяка в спортивном костюме, который водит гостей по дому, отмахивается от восхищенных оценок, а в подземном продуктовом складе небрежно бросает: «Это так, на первое время, чтоб себе ни в чем не отказывать».

Борис взял канистру, принес ее к машине. Татьяна и Федор Федорович наблюдали, как он через воронку льет бензин в бак. Борис выяснил, что до ближайшей заправки километров пятьдесят, но дареного бензина взял с запасом – вдруг опять придется кружить. Хотел в качестве жеста доброй воли предложить продукты, которые он вез сестре, все равно до Перематкина не добраться, но, увидев запасы в подвале, промолчал.

* * *

Борис закрутил крышку бензобака и еще раз спросил Татьяну:

– Может, я все-таки расплачусь за бензин?

Она, не отвечая, смотрела куда-то за его спину.

– Дым! – воскликнула она. – Смотрите, дым!

Борис и Федор Федорович одновременно развернулись.

– Ексель-моксель, мать моя женщина! – закричал старик. – Пожар! Моя хата горит! Бежим!

Белый дым со всполохами серого широким столбом поднимался к небу. Они бежали по только что расчищенной трактором дороге, дым становился все темнее, в нем показались языки пламени. Татьяна и Федор Федорович отстали, Борис прибежал первым и растерянно застыл, не зная, что делать.

Старый пятистенок из бревен соединялся переходом с какой-то постройкой. Горел переход, и уже занялась постройка, которая была коровником. Из его открытой двери валил дым. Тревожно мычала корова, и слышался женский крик, прерываемый кашлем:

– Иди, окаянная, вот горе! Зорька! Пошла! Федька! Где ты, старый черт?

О том, как надо тушить пожар, Борис знал теоретически. Заливать огонь водой, пеной, засыпать песком. Он схватил широкую лопату для расчистки дорожек, стал кидать ею снег на огонь.

– Брось! – закричал прибежавший Федор Федорович. – Руби крыльцо, отсекай, чтобы на дом не перекинулось. Петровна, ексель-моксель, тащи ему топор, багор, – скомандовал он и, закрыв лицо локтем, бросился в коровник.

Борис вслед за Татьяной побежал к сараю. Дверь его была заперта на навесной замок. Борис ногой вышиб дверь. Пока они нашли в темноте нужные инструменты, огонь уже полностью захватил крышу коровника и подобрался к дому. Рухнула внутрь стена коровника, и тут же с истошным мычанием из него выскочила корова. Она засеменила к калитке, раскачиваясь и припадая на все четыре ноги из-за непомерно огромного живота.

– Федорович! Анна Тимофеевна! – закричала Татьяна. – Где вы?

Ответом ей был надсадный кашель из горящего коровника.

Борис подскочил к дому. Занялся только угол крыльца. Дом можно было спасти. Он размахнулся топором и ударил по той части, где крыльцо примыкало к дому.

Он крушил дерево с остервенением дебошира. Ветра не было, и дым почти не мешал ему. Физической усталости он тоже не чувствовал – только страстное желание спасти чужое жилье.

Краем глаза Борис увидел, что Федор Федорович за плечи вытащил из сарая женщину. И буквально через секунду крыша коровника обвалилась. Дымная волна обдала Бориса, он закашлялся, отскочил в сторону. Посмотрел на свою работу, прикидывая, где нужно рубить дальше.

Появились новые лица, две бабки: одна маленькая круглая, как шарик, другая повыше, со странно перекошенными в одну сторону лицом и телом. Кругленькая бросилась помогать Татьяне оттаскивать тлеющее дерево, кривая бухнулась на колени рядом с Федором Федоровичем, который хлопотал у лежащей на земле жены.

– Нюрочка, что ты? Ушибло тебя? – причитал он. – Ексель-моксель! Хрен с ней, с этой коровой! Зачем же ты?..

Анна Тимофеевна тяжело дышала, с трудом проговорила, отталкивая мужа:

– Иди! Деньги там, в железной коробке, в серванте. Иди! Пальто мое новое и костюм свой – вынеси.

– Вот баба, ексель-моксель, – нервно выругался Федор Федорович, – нашла время о шмотках думать. Чуть не сгорела ведь!

Он бросился помогать Борису, но помощник из него был плохой. Руки, лицо Федора Федоровича были обожжены, на голове выгорели волосы. Он не чувствовал боли, пока не схватил лопату, тут же завыв:

– Е-е-е… ексель-моксель!

Огонь перекинулся на сенник – сарай для сена и другой, где хранились инструменты и инвентарь. Но дому огонь больше не угрожал. От коровника до того места, где раньше было закрытое крыльцо, – метров семь безопасной зоны. Татьяна и кругленькая старушка оттащили тлеющие деревяшки и те, что с запасом вырубил Борис. Обнажившийся вход в сени в полутора метрах над землей напоминал рот человека в истошном крике. Снег вокруг почернел от копоти и гари, грязными были лица, одежда людей. Даже у кривой старухи, не отходившей от Анны Тимофеевны, по лбу шла темная полоса сажи.

– А-а-а, – заикалась кривая, показывая на жену Федора Федоровича, – в-в-в б-б-б…

– Клавдя говорит, Аннушку в больницу нужно везти, – перевела другая старушка.

– Может, вызвать «скорую помощь»? – предложил Борис.

– Не-не-не, – затвердила Клавдия, – я-я-я, и-и-и, аж. – Она взмахнула рукой.

– Когда с ней инсульт случился, – снова пояснила кругленькая, – аж на следующий день приехали.

Они разговаривали, отвернувшись от пожара, словно не хотели видеть стихию, справиться с которой не могли. Шум огня напоминал звук сильного дождя с градом – рвался в огне шифер крыш.

– Ближайшая больница в Ступине, – сказала Татьяна, – это двадцать километров отсюда. Федору Федоровичу тоже срочно нужна помощь. – Она посмотрела на Бориса.

Федор Федорович тихо выл от боли, прикладывал горсти снега то к одной, то к другой руке и теребил жену, которая лежала с закрытыми глазами и часто-часто дышала.

– Нюрочка, ну ты как? Больно где? На нее балка свалилась. Надо теплое притащить. Замерзнет, у нее ж радикулит.

Он пошел к дому, кряхтя, подпрыгнул и навалился на порог, перенес тяжесть тела на локти, закинул одну ногу, потом другую, скрылся.

– Я подгоню машину, – сказал Борис и пошел к калитке.

Дорогу ему преграждала корова, черно-белая с животом, в котором мог находиться аэростат средней величины.

– Пропусти, пошла!

Корова не сдвинулась с места. Напротив, грозно замычала и опустила голову, направив на него рога. Борис взял обгорелое бревно, стукнул им корову по хребту:

– Пошла вон, я сказал!

Бревно сломалось, но и корова отступила, освобождая проход.

Борис не бежал – дыхание еще не восстановилось после тяжелой работы, – но трусил по дороге. Лихорадочное волнение подстегивало его – казалось, что двигаться надо очень быстро, его задача – обеспечить максимальную скорость всех действий.

Дорогу «Жигулям» загораживал трактор Федора Федоровича. Борис бросился в кабину, завел мотор и побежал к трактору. Не сразу разобрался в его немудреном управлении и чуть не въехал в собственный автомобиль. Свез трактор на обочину и побежал к «Жигулям». «Быстрее! Быстрее! Копаться – время терять», – злился он.

Валенки мешали управлять педалями, он снял их и бросил на сиденье рядом. Развернуться не получится, он двинулся к дому Екселя-Мокселя задним ходом.

Подъехав, выскочил прямо в носках на снег, чертыхнулся, надел валенки. Анну Тимофеевну уже укрыли одеялом в белом пододеяльнике, положили ей под голову подушку. Она была крупной женщиной, килограммов под девяносто, и Борис вдруг испугался, что не сумеет поднять ее на руки, особенно после пробежек и работы топором. О щуплом Федоре Федоровиче и говорить было

нечего – старик тощий, да еще на полголовы ниже супруги. Борис не стал геройствовать.

– Таня! – распорядился он. – Бери за ноги. И несем на заднее сиденье. Потом сама туда сядешь, ее голову на колени положишь. Федорович! Не мешайся, куда ты со своими руками! Садись на переднее сиденье.

– Подождите! – попросила Анна Тимофеевна, когда Татьяна и Борис приноровились, чтобы поднять ее. Она нашла глазами кругленькую старушку: – Стеша! Христом Богом! Зорьке не сегодня завтра телиться. Стеша! Не брось кормилицу!

– Буде, буде тебе, – замахала руками Стеша, – ехай, не тревожьсь. Ниче с твоей коровой не станется. Несите ее, – обратилась она к Боре. – Да не ногами же вперед, ироды!

– С-с-с… – Клавдия пыталась что-то сказать кривым ртом.

– Счастливо, с богом! – перебила ее Стеша. Борис опасался, что после вчерашней метели не сможет проехать соседние села, если там не чистили дорогу. Но они благополучно миновали две деревни. Татьяна на развилках подсказывала путь – направо, вперед, налево. Федор Федорович, страдая от боли, тихо матерился. Никаких екселей-мокселей, «правильные» матюки. Машина шла ровно, но, когда слегка подпрыгивала, Анна Тимофеевна тяжело и жалобно стонала. Тогда Федор Федорович вздрагивал, оборачивался к жене и уговаривал ее:

– Нюрочка, потерпи, голубушка! Уже Лизуново проехали. Крепись, ласточка.

В отличие от него Анна Тимофеевна ласковых слов не говорила. Но ее речь, задыхающаяся, торопливая, без логики и связи между предложениями, почти бред, выдавала тревогу о хозяйстве и муже.

– Старый козел, – бормотала она, – от проводки загорелось. Сколько раз говорила – вроде пахнет. Клешни свои до костей сжег, работничек. Тебе только по сударушкам шляться. Что теперь с коровой будет? Стешка… не сглазила я ее корову, шутковала, а она зло держит. Люся! Где Люся? К ней надо. Ой, горе! Где теперь сено взять? Пропадет Зорька. Федя, ожоги хорошо мочой лечить, ты пописай на руки обязательно, слышишь? Так в груди давит, так давит! Люсю

позовите.

– Анна Тимофеевна, где Люся живет? – спросила Татьяна.

– У вокзала, Федя, скажи. Ох, плохо мне.

– Федор Федорович, – повторила вопрос Таня, – где в Ступине ваша дочь живет?

– За переездом, красный дом кирпичный, о-о-о! – застонал он, едва не теряя сознание от боли. – Квартира семь. Владимирович, ты к ней съездишь?

– Конечно, – кивнул Борис, – не беспокойтесь.

– Все! Не могу! – зарычал Федор Федорович. – Тормози, Боря! На руки помочусь.

Борис остановил машину. Выскочил в носках, обежал машину, открыл дверь. Федор Федорович кое-как вылез.

– Мотню мне расстегни, – попросил он.

Его руки, красно-черные, в волдырях, действительно походили сейчас на клешни какого-то чудовищного животного. Обшлага рукавов нейлоновой куртки обгорели и местами впаялись в кожу.

– Не могу, заклинило. – Федор Федорович тряс своими страшными кистями под маленьким кусочком плоти. – Боря, давай ты, мочись на меня! Ох, ексель-моксель.

Борис расстегнул брюки, нисколько не заботясь, что все это может наблюдать Татьяна. У него тоже, но от волнения, дрожали руки, и сначала ничего не выходило. Потом полилось. Он прицельно орошал кисти старика.

– Полегчало? – спросил он, застегивая старику и себе штаны.

– Не пойму, горит до костей.

Когда они сели в машину, от мокрых носков Бориса обдуваемых теплой струей из печки, пошел характерный запах. Он смешивался с запахом от рук Федора Федоровича. Татьяну слегка начало мутить. В голове одна за другой мелькали мысли. Скоро они подъедут к больнице, по отзывам, нищей и плохой, как большинство сельских. Значит, нужны будут лекарства. Обязательно спросить какие. Корова Зорька. Кормилица семьи Знахаревых. Летом они продают молоко дачникам, на вырученные деньги живут целый год. Знахаревы гордые, Федор Федорович сколько ей помогает по соседству, а денег даже за расчистку дороги не берет. Нужно сено на корм Зорьке.

– Анна Тимофеевна, Федор Федорович, – обратилась к ним Татьяна, – где можно сено купить? У бабы Стеши только для козы припасено.

Старики не отвечали. Анна Тимофеевна дышала частыми булькающими всхлипами, а Федор Федорович поникнул головой, то ли уснул, то ли потерял сознание.

Больница находилась на въезде в Ступино. На больших металлических воротах висел замок. Борис, открыв окно, крикнул:

– Эй! Открывайте быстро!

Не дождавшись ответа, он вышел из машины. В проходной пусто. Взял монтировку из багажника и сорвал замок. Сегодня у него день открытых дверей.

Они подъехали к невысокому зданию, на двери которого было написано «Приемный покой». Татьяна осторожно положила голову Анны Тимофеевны на сиденье, вышла из машины и бросилась к дверям. Заперто. Двенадцать часов дня, а у них заперто. Она нашла на двери кнопку звонка и стала давить на нее. Никакой реакции. Слышно, как звенит звонок, но никто не торопится открывать.

– Померли все, что ли! – в сердцах чертыхнулся Борис.

Он просунул руку в открытое окно автомобиля и стал сигналить. «Жигули» на тихий гудок пожаловаться не могли. Короткий, длинный, короткий, короткий, длинный – больничный сквер с заснеженными деревьями отлично усиливал звук, не услышать их могли только покойники.

Через несколько минут в конце аллеи показалась женская фигура в белом халате. Борис убрал руку с руля.

– Шо гудите? Шо хулиганите? – закричала на них издалека и погрозила кулаком девушка.

Словно они не в государственное учреждение приехали, а вторглись в частную собственность.

– Мы привезли раненых с пожара, – торопливо объясняла Татьяна молоденькой медсестре, с не по-больничному обильным макияжем. – Старики, они совсем плохи.

– Все равно гудеть не надо, – раздраженно буркнула девушка, но от дальнейших упреков, которые вертелись у нее на языке, воздержалась.

Медсестра открыла ключом дверь приемного отделения и распорядилась:

– Заносите больных.

Она молча наблюдала, как Татьяна и Борис вытаскивали из машины Анну Тимофеевну, уже переставшую стонать и только хрипло дышащую, вели под руки Федора Федоровича, из его закрытых глаз по обожженному лицу катились слезы.

Сестра тяжело, с досадой вздохнула:

– Ждите. Я за врачом пошла.

Раскачивая бедрами, отнюдь не быстрой походкой, она двинулась назад по аллее.

Анну Тимофеевну положили на кушетке в коридоре, Федора Федоровича посадили в неудобное деревянное кресло с откидывающимся сиденьем. Ряды таких кресел прежде стояли в кинотеатрах. Лет двадцать назад.

Борис осмотрелся – убогость лезла из всех щелей. Обшарпанные стены, закрашенные темной краской, дощатый пол, протечки на сером потолке. Грязи нет, но уборка в подобном помещении не может скрыть свидетельств нищеты и обветшалости.

– Таня, я выйду покурить? – спросил Борис.

– Конечно, – ответила она, не поднимая головы и продолжая гладить руку безучастной Анны Тимофеевны.

На улице он подошел к сугробу, вымыл руки, а потом лицо снегом. Если не думать о том, что осталось у тебя за спиной, то вокруг радующая глаз картина – уснувший на зиму дом отдыха. Солнечный день, несколько деревянных зданий в старом парке, воробьи щебечут. Тишина, покой. Несчастные, обожженные, покалеченные старики не ко двору в этом сонном царстве.

Борис выкурил две сигареты, когда наконец пришли давешняя медсестра и врач – коренастый пожилой мужчина с ежиком седых волос. На приветствие Бориса он только кивнул, не разжимая губ. Любезностью в ступинской больнице не грешили.

Врач подошел к Анне Тимофеевне, взял ее руку, послушал пульс. Открыл ей веки – что он там мог увидеть в сумерках коридора? На Федора Федоровича глянул только мельком, спросил Татьяну:

– Откуда их привезли?

– Из Смятинова.

– Наш район?

– Не знаю.

– Наш, – подала голос медсестра, – это лизуновские.

– Пройдите. – Врач пригласил Татьяну в кабинет.

Он уселся за стол, выдвинул ящик, достал какие-то бланки, испробовал три ручки, пока не обнаружил одну пишущую.

– Фамилия? – спросил он.

– Чья? – растерянно прошептала Таня.

– Не ваша, конечно, больных.

– Знахаревы Федор Федорович и Анна Тимофеевна.

– Не частите. Сначала он. Знахарев Федор?

– Федорович. У них сгорел дом. На Анну Тимофеевну упала балка, очевидно, пострадала грудная клетка…

– Ваши диагнозы меня не интересуют, – перебил врач. – Вы привезли их страховые полисы?

Борис, наблюдавший этот разговор через раскрытую дверь, не выдержал, шагнул в кабинет:

– Послушайте, доктор! Как, кстати, вас зовут? Мы привезли не полисы, а людей в тяжелейшем состоянии! А вы здесь бюрократию разводите. Им нужна срочная помощь!

– Кто вы такой? – Врач словно ждал повода, чтобы вскочить и закричать на кого-нибудь. – Родственник? Что? Посторонний человек? Посторонним здесь находиться запрещается! Выйдите вон!

Голос у врача был зычный, густой. Татьяна испуганно сжала руки. А Борис, разозлившись, тоже повысил голос:

– Прежде чем я выйду, вы мне назоветесь и скажете, в состоянии ли оказать врачебную помощь старикам!

– Доктор Козлов меня зовут! Устраивает? Тридцать лет прослужил врачом на флоте, и вы мне не указывайте, как и какую помощь оказывать! Очистить помещение!

Багровый от крика, Козлов подскочил к Боре, толкнул его двумя руками в грудь. Борис вылетел в коридор.

– Ах ты! – Боря задохнулся от возмущения. – Ексель-моксель! – вырвалось у него. – Да я тебе!

Он шагнул к Козлову со сжатыми кулаками.

– Боря! – Татьяна бросилась к нему, схватила за руки. – Не надо! Успокойся! Это какой-то кошмар, недоразумение. Ведь мы в больнице находимся!

– Дед! – теперь заголосила медсестра. – Дед! Да ты обмочился! – Она стояла напротив Федора Федоровича, уперев руки в бока. – Нет, ну это надо же! Кто убирать будет? У нас нянечка только завтра придет.

– Доченька! – Федор Федорович, страдавший от стыда и боли, жалобно винился дрожащим шепотом. – Прости! Мочи нет терпеть.

– Мочи у тебя как раз навалом, – зло каламбурила медсестра.

Самое время для шуток. И место подходящее. Они в больницу приехали или в концлагерь? Борис постарался взять себя в руки и, чеканя каждое слово, спросил врача:

– Доктор Козлов! Пожалуйста, ответьте мне, будет ли в этой больнице оказана пострадавшим необходимая помощь?

– Будет! – Врач тоже сдерживал клокочущую (почему? кем вызванную?) злость. – Очистите помещение и дайте нам работать!

– Ну-ну! Работайте! – Борис взял ватную от растерянности Татьяну за руку и вывел на улицу. – Эскулапы хреновы!

Козлов вернулся в свой кабинет, швырнул в сторону истории болезни, которые начал заполнять, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать с обгоревшими стариками. Бабке нужен рентген, но их аппарат полгода уже не работает. Хирурга вызвать тоже не удастся – уехал в Москву на свадьбу дочери. Надо было заставить этих молодчиков везти стариков в Александров. Не сообразил.

– Ира! – крикнул он медсестре. – Веди деда в процедурную. Раны обработать и наложить асептическую повязку. И вколи ему… что там у нас есть? Димедрол с анальгином. Антибиотики потом назначу, пусть родственники купят. Пришли Сережу-охранника и Петрова из второй палаты, пусть на каталке бабку в реанимацию отвезут.

* * *

Тридцать лет служа на флоте, врачуя матросов и офицеров, Козлов мечтал о пенсии, о домике, доставшемся от родителей жены в Ступине, о яблоках из собственного сада и хрустящих огурчиках из парника. Но мечте не суждено было исполниться: во-первых, сельские занятия быстро Козлову надоели, а во-вторых, прожить на пенсию никак не получалось. И он пошел работать в больницу. Флотский опыт, которым он так гордился, привил ему командирский голос, манеру выражаться резко и грубо, но знаний медицинских не прибавил. И то, что в институте учил, забыл. На корабле чуть случай сложнее прыща или бородавки – списывай служивого в госпиталь, там разберутся. Козлов под пытками бы не признался в своем профессиональном бессилии. Больные, из-за которых он должен был, как студентишка, заглядывать в шпаргалки, вызывали у него ярую злость. Не сытый заслуженный отдых, а тяпку, грабли да врачебные ошибки приготовила ему жизнь в старости. Не почет и уважение патриарха, а небрежное отмахивание детей – слышали мы твои байки уже тысячу раз. Если бы можно было сдавать злость, как сдают кровь, то Козлов давно бы стал почетным донором.

* * *

Выйдя из приемного отделения, Татьяна и Борис топтались у машины. Они испытывали предательское облегчение – избавились от немощных стариков – и угрызения совести – в ненадежных руках оставили бедолаг.

– Едем, – решился Борис и открыл Татьяне переднюю дверь. – Куда теперь? К их дочери?

– Да, конечно, – быстро согласилась Татьяна. Новая забота оправдывала их бегство.

Оба не помнили номер квартиры, в которой жила Люся, да и дом нашли с трудом. А потом опрашивали людей: не знаете ли Люсю, в девичестве Знахареву, у нее сын Димка, родители в Смятинове живут? Зачем нам? У ее родителей пожар случился, ужас, нет, дом не сгорел, только сараи и коровник, сами в больнице. Из-за чего пожар? Короткое замыкание, очевидно. Люсю не знаете? А кто может знать?

Язык, который до Киева доведет, привел их к Люсиным дверям через полчаса.

– Ой, Татьяна! – воскликнула Люся, открыв на звонок. Но радостно-изумленное выражение ее лица, круглощекого, как у матери, быстро сменилось тревогой. – Что-то случилось с моими?

– Да, Люся, – кивнула Татьяна.

Она рассказывала, стоя за порогом, – от волнения Люся не пригласила их в дом.

– Ой-ёй-ёй! – заголосила Люся. – Мамочка, папочка мои!

– Ма-а-ам! – послышалось за ее спиной. – Ты чего?

– Димка! В постель! – развернулась Люся. – Ой, проходите, что же мы в дверях. Димка! Бабушка с дедушкой погорели!

Борис и Татьяна вошли в тесную однокомнатную квартиру. Димка, пятилетний мальчишка, босой, в цветастой девчоночьей пижаме, с лицом и руками разукрашенными зелеными точками, скорее восхитился, чем перепугался:

– Совсем погорели? До скелетов?

– Я тебе дам до скелетов! – Люся отвесила ему оплеуху. – Марш в кровать!

Димка обиженно надул губы и забрался в постель, которая была разложена из кресла-кровати. Люся металась на небольшом, свободном от мебели клочке в центре комнаты.

– Что делать-то теперь? Димка вот – подхватил ветрянку, и температура еще держится тридцать восемь. А Валерка, муж, уехал. Только на новую работу, дальнобойщиком, устроился. Что ж ему теперь? Увольняться?

– Ну почему увольняться? – Татьяна сделала шаг вперед, остановила мечущуюся Люсю и успокаивающе погладила ее по плечу. – Не переживай, главное, что родители живы. Ты можешь их навестить через несколько часов?

Димка, до которого, очевидно, дошел смысл происшедшего, вдруг зашмыгал носом и заревел. Люся мгновенно подхватила плач сына. Слезы полились в четыре ручья, сопровождаемые стенаниями молодой женщины и фальцетными всхлипами мальчишки.

Татьяна утешала Люсю, Борис присел к Димке и гладил его по голове:

– Ну-ну, казак, чего разревелся? Все будет хорошо. Бабушка и дедушка поправятся. Ты знаешь, что у них там сейчас во дворе творится? Бегает толстая корова и оглушительно мычит.

– Зорька? – заинтересовался Димка и перестал плакать.

Люся отлипла от Таниного плеча и тоже прислушалась.

– Зорька, – подтвердил Борис. – Хотела, между прочим, меня на рога поднять. Я так испугался! Схватил дрын, замахнулся на нее, а тут поскользнулся и – хлоп на спину. – Борис вскинул руки и изобразил падение. – Лежу, глаза закрыл. Все, думаю, сейчас она меня съест.

– Она людей не ест! – Димка усмехнулся глупости взрослого дяденьки. – Зорька воще не бодливая.

– Это ты знаешь, а мне-то невдомек было. Я ногами в воздухе подрыгал – ничего. Глаза открываю, а Зорька в стороне травку щиплет. То есть не травку, –

поправился Борис, – а что-то там лижет на земле.

– Люся, Анна Тимофеевна бабу Стешу попросила о Зорьке побеспокоиться, – сказала Татьяна.

Это сообщение вызвало у Люси новый приступ метаний. Борис смотрел на нее и узнавал свое давешнее состояние – в момент волнения хочется куда-то бежать и быстро-быстро что-то делать. Люсе бежать было некуда, она курсировала, заламывая руки, от серванта до дивана и обратно, говорила без пауз:

– Стешка с мамой в контрах, на ножах, она думает, что мама ее корову сглазила, а мама не сглазливая вовсе, просто она пошутила. Стешка и бабу Клавдию подстрекает. У них страсти как в мексиканском кино. Еще и папу стараются припахать, а мама не дает, у них сыновья взрослые, но пьяницы, приезжают только гудеть в деревне, а папа почему должен на всех работать? Они завидуют, что мама в молодости в Ступино уехала и на фабрике работала, а они такие героини, что весь век в деревне, а теперь дачники не хотят Стешино козлиное молоко покупать, а у мамы покупают от Зорьки. Ой, а мама свою корову так любит, так лелеет, и теленочек скоро будет. Где ж я сена возьму? У Валерки зарплата только через десять дней, уехал, бессовестный, а я тут не знаю, что делать.

– Люся! – Борис слегка повысил голос. – Успокойтесь и сядьте!

– А? Да? – Люся замерла и плюхнулась на диван.

– Давайте разбирать проблемы по мере их срочности, – сказал Борис.

– Давайте, – кивнула Люся. – А вы кто?

– Меня зовут Борис Владимирович. Я приятель Татьяны Петровны. Приехал к ней в гости, – Борис удержался от усмешки, – и стал невольным свидетелем происшедшего.

– Борис спас ваш дом, – вставила Татьяна.

– Ой, правда? – Люся сделала попытку вскочить, но Борис жестом приказал ей оставаться на месте.

– Итак, – продолжил он, – у вас есть возможность вечером навестить родителей в больнице?

– Соседку попрошу за Димкой присмотреть, она в пять часов со смены приходит, – принялась рассуждать вслух Люся, но Борис ее перебил:

– Значит, проведаете их.

– Если нужны какие-то лекарства, – сказала Татьяна, – позвони мне, я номер сотового оставлю, или моим детям в Москву.

– Далее что? – спросил Борис.

– Надо дверь в дом заколотить, – подсказала Татьяна.

– Это несложно, – махнул рукой Борис.

Люся наблюдала за их диалогом, поворачивая голову то к одному, то к другому.

– Насколько я понимаю, – говорил Борис, – главная проблема заключается в корове.

– И особенно в корме для нее, – согласилась Татьяна. – Вряд ли кто-то из ближайших деревень запасает сена больше, чем нужно для его коровы. И ни одной фермы в округе я не знаю.

– Может быть, с учетом форс-мажорных обстоятельств корову… – Борис запнулся, не зная, как поделикатнее предложить отправить корову на мясокомбинат.

Татьяна его поняла, и они вопросительно посмотрели на Люсю.

– Чего? – встрепенулась под их взглядами недогадливая Люся.

– Сама подумай, – сказала Татьяна. – Анне Тимофеевне после болезни будет тяжело с коровой, да и у Федора Федоровича руки сильно пострадали.

– Зорьку! На живодерню! – заверещал сообразительный Димка.

Он снова заревел. Мать его в этот раз не поддержала.

– Заткнись! – прикрикнула она на сына и отрицательно покачала головой. – Если мама узнает, что мы ее корову на мясо пустили, да еще, она телиться скоро должна… Не, я не могу. – В Люсином голосе послышались требовательно-обиженные нотки, словно взявшие на себя ответственность за происшедшее Татьяна и Борис плохо несут службу.

– Что вы предлагаете? – с легким раздражением спросил Борис.

– Я не знаю. Валерка приедет, он решит.

Татьяна видела мужа Люси, и он не произвел на нее впечатления человека самостоятельного в поступках. Скорее, напротив, подкаблучника у жены. Люся им командовала, как сержант новобранцем. Но вот поди ж ты, без мужа сама растерялась, опору потеряла.

– И к чему мы в итоге пришли? – Борис обращался к Татьяне.

– Оставим все как есть, – пожала она плечами. – Люся присмотрит за родителями и постарается раздобыть сено или какой-то еще корм. Мы возвращаемся в Смятиново, заколотим дом, – Татьяна на секунду запнулась, вспомнив, что ее собственный дом тоже остался с открытыми дверями, – ты приведешь себя в порядок и… и даже не знаю, как тебя благодарить.

– Ой, – подхватила Люся, – такое вам спасибо! По гроб жизни! Всем святым буду молиться!

– Оставьте! – Борис поднялся. – Выздоравливай, Чингачгук. – Он потрепал по волосам Димку, у которого зеленые точки и полоски на лице походили на боевую раскраску индейца.

– Люся, при первой возможности, – Татьяна тоже встала, – приезжай в деревню. Надо все-таки в доме посмотреть, вещи и прочее. Опять-таки баба Стеша. Я ей денег предложу, надеюсь, не откажется. Но ты теперь хозяйка, помни.

Люся не переставала твердить слова благодарности, пока провожала их до двери, а затем выскочила на площадку и еще кричала «Спасибо!» в лестничную шахту.

На улице Борис и Татьяна одновременно глубоко вздохнули, посмотрели друг на друга, улыбнулись.

– Таня, как в сем городе с милицией? – спросил Борис.

– Не знаю, – удивленно ответила Таня. – Здание милиции я видела, а ни одного стража порядка не встречала. Зачем тебе?

– Отчаянно хочется хлопнуть стаканчик. Пока доедем до деревни, там провозимся – все выветрится. Тебе с риском для собственной жизни, – лукаво усмехнулся Борис, – предлагаю сделать то же самое.

– Нет, ну я не до такой степени. – Татьяна включилась в игру. – Буйствую, конечно, но телесных повреждений еще никому не наносила.

– Тогда по сто грамм коньяку, – решил Борис, – и смирительная рубашка для тебя.

Единственное кафе, которое знала Татьяна в Ступине, оказалось закрытым. Они купили в магазине бутылку коньяку, пластиковые стаканчики и плитку шоколада. Распивали в машине. Борис опрокинул почти полный стакан, Татьяне, остановленный ее рукой, он налил на донышко. Закусили шоколадом. Борис почувствовал, как напряжение последних часов начинает отступать, жизнь возвращается в нормальное русло.

– Ну, рассказывай, – велел он Татьяне, тронул машину с места и двинул к выезду из Ступина.

– О чем?

– О своем самом позорном пьяном дебоше.

– Ты был его участником.

– Тогда о предпоследнем с конца или самом памятном для населения.

От глотка коньяку Татьяна перестала внутренне дрожать и даже почувствовала легкую игривость. Она не стала ломаться.

– Эта леденящая душу история произошла в период горбачевской антиалкогольной кампании. Точнее, в самом ее конце, когда бороться было не с чем – из магазинов почти исчезло спиртное. Как ты помнишь, народ тогда дружно бросился на производство клюковки – настойки на спирте «Роял».

* * *

Дома у подруги Ольги в тесном кругу (мама, папа, другая подруга, Лена, и она, Татьяна) было организовано застолье по случаю помолвки Ольги с кандидатом в мужья номер два. Таня пришла с заветной бутылочкой – клюквенным компотом, который по цвету не отличался от настойки, но алкоголя не содержал. Татьяна хотела убить двух зайцев – и белой (то есть непьющей) вороной не выглядеть, и не захмелеть. Компотик перелили в графинчик, точно такой, как с настоящей клюковкой. И конечно, их перепутали: перед женихом и Ольгиным отцом оказался детский напиток, а перед Татьяной – тридцатиградусный. Она еще мысленно сокрушалась – горьковато, мало сахара положила.

По мере того как лица жениха и тестя становились все постнее, Татьяну охватывало радостное возбуждение. Ей открывались тайны мира, главная из которых заключалась в том, что надо жить честно и открыто. Говорить правду, и только правду, постоянно и всегда. Оживленно жестикулируя, она несла эту истину в народ. Народ энтузиазма не проявлял. Пришлось убеждать на примерах.

– Вот вы признайтесь, что воруете в магазине самообслуживания, – требовала она от жениха, – и вам станет легче.

– Ничего подобного! – возмутился он.

– А у кого глазки все время бегают? – Она погрозила пальчиком. – Книжки и приборы столовые у друзей таскаем?

Жених обиженно надулся. Татьяна переключилась на Ольгиных родителей. Им, она знала точно, есть что скрывать. Несчастные! Так и умрут не покаявшись. Она чувствовала за спиной крылья ангела, призванного отпускать грехи.

Ольгиного отца она убеждала: пришло время сказать, что номенклатурный паек вы в течение многих лет делили между семьей и своей секретаршей-любовницей. Ольгиной маме заявила: не надо расстраиваться, вспомните, как вы подсыпали мужу в кисель бром, чтобы унять его сексуальную энергию.

Татьяна хотела еще сказать об Ольге (в лифчик вату подкладывала), о Лене (зайцем в транспорте ездила) и о себе не забыть – поведать о тайной денежной заначке. Но подруги подхватили ее под локти и уволокли в ванную.

Несколько раз наведывались – слышали шум воды за дверью и, наивные, думали, что Таня там вытрезвитель устроила. А она рвалась послужить обществу. И нашла себя на поприще грязного белья. Все перестирала и прополоскала.

Когда она с тазиком явилась в комнату, хозяевам трудно было сохранить спокойствие. Мол, у нас так принято: приходит дама в дорогущем платье, в золоте и бриллиантах, стирает их рваные портки, а потом, растрепанная, со смазанным макияжем, пристает с вопросами: куда вешать будем?

Жажда деятельности еще долго не отпускала Татьяну. У нее забирали пылесос – я вам быстренько здесь почищу, и снимали ее со стола – хрустальную люстру раствором с добавлением аммиака протирать нужно.

* * *

От смеха Борис согнулся пополам и упал головой на руль.

– Эй, следи за дорогой! – напомнила ему Татьяна.

– Следю, – продолжая смеяться, выпрямился Борис.

Он подумал о том, что только очень самодостаточная женщина может рассказывать подобные истории о себе. Ее уверенность проистекает либо из несокрушимого обожания покровителя, либо из полнейшего равнодушия к себе. С этакими ямочками ниже спины – и равнодушие! Значит, первое, могущественный покровитель-любовник. А чему удивляться? Все правильно и естественно. Такие женщины не каждый день встречаются. И прятать их от чужих глаз – тактика грамотная.

Татьяна с удивлением наблюдала перемену в настроении Бориса: хохотал, а потом вдруг насупился, скулы напряглись, усмехается. Это все ее пошлые россказни. Нет, даже грамма, даже из пипетки спиртного ей нельзя пить. Одичала в деревне, разговор нормальный поддержать не может. Разоткровенничалась – фу, неловко как.

* * *

Подстелив Нюрочкино одеяло в пододеяльнике – задницу не отморозить, – Стеша и Клава уселись наблюдать завершение пожара.

Клава периодически бубнила: «в-в-в, ж-ж-ж, а-а-а…» Подруга ее понимала без слов, потому что думали они об одном и том же.

– Вот так живешь, небо коптишь, – говорила Стеша, – а потом красный петух клюнет – и нету ничего. Какого лешего ломались? Хоть с сумой по людям иди. А с другой стороны посмотреть, так они еще малым отделались. Дом цел, Федька – мужик рукастый, отстроятся. Кому нынче легко живется? Мне, что ли? Или тебе, бедолаге?

Когда Клавдию прошлым летом кондратий стукнул, то есть инсульт случился, думали, не очухается – лежала бревно-бревном, под себя ходила. Нюрка, тут про нее слова плохого не скажешь, помогала, вместе ухаживали. Белье постирать, пеленки переменить, покормить, картошку на огороде окучить, грядки прополоть – все делала. Дети у Клавдии, что сын, что дочь, – сволочи. Приехали, увидели, что за матерью присмотр есть, и носа до самой осени не показывали, пока не пришла пора картошку копать. А там уж Клавдия стала потихоньку подниматься. Рука у нее так и не отошла, сухая висит, а нога волочится помаленьку. Сама теперь нужду справить может и обслужить себя кое-как. Хоть

и не говорит, а соображение не потеряно. А дети – у кого они хорошие? Лишь бы с матери тянуть. Ее, Стешины, сыны с невестками да внуками тоже приедут, глаза зальют – наша фазенда, наша фазенда, а чтоб крышу на фазенде перекрыть – иди к Федоровичу кланяйся. Он бы не отказал, да Нюрка не пускает – он вам не батрак нанятый. Еще та кулачиха. У нее-то долго детей не было, одни выкидыши – говорит, на тяжелом производстве работала. А у них в деревне что? Легкое производство? Она Люську родила, в каком году это было? Их с Клавдией сыновья уже в армию пошли. Люську, понятно, набаловали, все банты вязали на макушке, белые гольфы да туфли-лодочки одевали. Вот и получили.

Тут Стеша сбилась – что, собственно, получили? Но по справедливости рассуждать, так чтоб всем горя и достатка по-честному, то Нюрка всяко в прибыли. На пенсии здесь поселились, дом подправили, а в Ступине квартиру дочке отписали, корову завели – а чего ее не заводить, если есть кому сено косить. Мужик, да еще в меру пьющий, в деревне полезнее трактора, роскошь по нынешней жизни. Они с Клавдией уже двадцать лет как о такой роскоши забыли. Преставились супружники – черти, прости господи, а мы корячься, перебивайся с хлеба на квас. Будь у Стеши муж да здоровье, она бы три коровы держала, молоко в военный городок отвозила, нет, сепаратор купила – сливки бы продавала, крышу перекрыла железом, а на коньке флюгерок птичкой, дом вагоночкой обила да маслом-отработкой покрасила – не отличишь от финской краски, шаль козлиного пуха справила, поросят тоже можно завести, десяток курочек и уточек – речка под боком, еще, говорят, индеек выгодно содержать, а мотоцикл с коляской купить – вози на базар огурцы, да грибы, да зелень с огорода.

– Д-д-д, – прервала Стешины мечты Клавдия, указывая клюкой на зияющую дверь дома.

– Ну что д-д-д? Кто у них сопрет там что?

– Не-не-не, – трясла кривым лицом и стояла на своем Клавдия.

Заставила Стешу подтащить чурбак к дому, забраться в хату. Ценного, конечно, у Нюрки немало было: два ковра, ваза хрустальная, часы настенные с боем, телевизор. Но все это Стеше не по силам переть. Взяла только документы, два золотых колечка и сережки – знала, что в банке с просом хранятся, деньги в жестяной коробке от китайского чая, вместе пересчитали, чтобы потом претензий не было, – две тысячи одиннадцать рублей.

– К-к-к. – Клавдия показывала на корову.

– Нет, подруга, – решительно воспротивилась Стеша. – Хоть ты меня режь, хоть осуждай, но Зорьку я не возьму. Нюрка мою Маньку сглазила, но я не потому, я зла на нее больше не держу: Бог ее за Маньку наказал. Куда мне корова? Сено козлиное сожрет мигом, где я его потом добуду? А телиться начнет – мне их ответственность не нужна. У меня рука тяжелая, сама знаешь. Мои коровы телились, я тебя завсегда звала. Нет, Клавдя, как перед иконой – не в силах, не возьму. У меня ревматизм в руках, иголку взять не могу и пуговицы застегиваю – плачу. Мне и коза лишняя, а тут корова с теленочком.

Клавдия согласно кивнула, задумалась. Потом развернулась и показала в сторону дома Татьяны.

– Ой! – обрадовалась Стеша. – Хоть и треснутый у тебя котелок, а варит. Правильно, давай Татьяне корову отгоним. Она с Знахаревыми в дружбах водится, пусть и присмотрит, пока Люська не объявится.

Они поплелись по дороге: припадающая на клюку Клавдия двигалась быстрее, чем Стеша, погоняющая тяжелую корову. Зорька уходить от родного двора сначала никак не хотела. Стеша ее палкой и матюками едва выгнала за калитку.

У Татьяны во дворе были призывно распахнуты ворота подземного гаража. Тепло, светло – сойдет для коровника. Не удержались – заглянули в соседнее помещение. Столько запасов в лучшие времена не бывало в их сельмаге. К свадьбе, что ли, готовятся? Зорька по наклонной идти боялась, мычала. Гнали ее на пару – Клавдия колотила своей клюкой, а Стеша дрыном била по коровьему хребту. Зорька пошла, но поскользнулась, упала, пузом поехала вниз. Старухи замерли – нет, обошлось, ноги не сломала, поднялась. Воды теперь ей надо принести.

В поисках ведра, а большей частью любопытствуя, зашли в дом. И обомлели – такое только в кино видели, а чтоб у них в Смятинове!.. Вот живут! Во богатеи! Во ворюги! На трудовые разве такое выстроишь! Татьяна их в дом никогда не приглашала, чаем на улице в беседке поила. Вежливая всегда: таблетку от изжоги даст, керосину одолжит. А кто не будет вежливым при таком богатстве?

– Клав, гляди, бассейн! Охренели, честное слово.

– В-в-в. – Клавдия показывала на мокрые следы от их валенок на полу.

– Да я подотру потом, не волнуйся. Нет, ты видишь? Тут же миллионные деньги. Не иначе как мафия. Приезжают к ней часто? Часто. Гуляют? Гуляют. Клав, может, участковому заявить? Рассадник здесь бандитский, и все такое.

Клавдия в ответ покрутила пальцем у виска.

– И точно, все у них уже купленные, – согласилась Стеша. – Помяни мое слово. Они тут перестрелку еще устроят, разборку, – вспомнила Стеша новое слово. – На второй этаж пойдем? Нет? Правильно, давай от греха подальше.

Клавдия вдруг затряслась уродливым смехом, приложила руки к голове, рожки показала.

– А мы им корову? – догадалась Стеша и тоже хохотнула. – Получите, с теленочком на подходе. С навозиком пахучим! Ой, умора, полжизни бы отдала, чтобы увидеть, как бандюки Зорьку доить будут.

Они вытерли следы, набрали воды в ведро – течет прямо из крана, как в городе. Отнесли корове. Зорька уже отметилась – лужей и кучей навоза. Вела она себя беспокойно – головой мотала.

– К новому месту привыкает, – сказала Стеша. Клавдия отрицательно покачала головой, показала палкой на Зорькин живот.

– Ничего она не телится! – прикрикнула Стеша. – Пойдем, не придумывай, дура старая, – и вытолкала подругу из гаража.

Клавдия медленно шла по дороге и плакала. Скольких телят она приняла за свою жизнь? Больше, чем зим прожила, потому что рука, ныне плетью висящая, была легкой что на тесто для хлебов, что на роды для скотины. Клавдия очень любила маленьких – детей и живность всякую, любила их молочный запах, беспомощность и хрупкость, любила их нянчить и выхаживать. А вырастали – и все труды ее как в песок. Скотину резали, а дети уезжали и будто чужими

становились. Она редко думала о детях в последнее время, забыла и как надеяться, и как обижаться на них. Вот теленочка, который у Зорьки шел, жалко ей было до щипоты в груди.

– Чего ревешь, кочерыжка перекошенная? – злилась Стеша. – Подбери сопли, карга парализованная. Еще один инсульт тебя сейчас трахнет – думаешь, я тебя до дому дотащу? Ты думаешь, у меня силов сколько? Ты думаешь, ты одна больная? Ты одна добрая? Ишь! Она – сердобольная, а я – дрянь последняя. И не строй мне рожи! Я знаю – ты так обо мне подумала. Нет, подумала! После всего, что я сделала для тебя! Сволочь неблагодарная, змея подколодная. Будешь подыхать – не подойду, воды не подам, помирай на сухую.

Они шли долго, останавливались, отдыхали. Стеша все бранилась. Но Клавдия на нее не обижалась. Стешка всегда такой была – язык распустит, со всем миром перессорится, а потом как ни в чем не бывало с горячими пирогами к обиженным в гости является. По молодости, как Стешу в ругань понесет, Клавдия разворачивалась и уходила – лай, пока не надоест. А сейчас куда уйдешь? Да и не со зла она, характер такой.

У дома Знахаревых, который теперь торчал в окружении черных головешек как сморчок на пне, тоже задержались, горестно вздохнули. Но сил не было даже одеяло в дом забросить, так и оставили. Хоть бы до своих хат добраться.

Клавдина была ближней. Не прощаясь, она свернула во двор. Стеша посмотрела на ее скособоченную спину и плюнула с досадой, поплелась дальше. Теперь она бормотала ругательства, адресованные собственному дряхлому телу. И одновременно молила свое колотящееся сердце, ноющие суставы, хрипящую дыхалку – потерпеть, вон он, дом, двадцать метров осталось. А там она упадет на кровать, забудется коротким старушечьим сном – и полегчает ей.

* * *

Они подъехали к Татьяниному дому около трех часов пополудни. Короткий зимний день еще не угас, но солнце уже скрылось за лесом, и на снег легли синеватые тени, подмораживало.

– Не хотите позвонить домой? – предложила Татьяна, когда шли к крыльцу. – Предупредить, чтобы не волновались.

Она сделала попытку снова перейти на «вы», но Борис не откликнулся.

– Жена и дочь вряд ли бьют тревогу, – сказал он. – Полагают, что я у сестры в Перематкине. У меня к тебе просьба. Могу я… – Он запнулся, послышались странные звуки, похожие на мычание коровы. – Могу я у тебя оставить продукты, которые сестре вез?

– Конечно, и если им еще что-либо нужно, я могу дать. Меня дети завалили провизией. Даже их буйные компании не в состоянии уничтожить все съестное.

Они вошли в полутемный дом, Татьяна щелкнула выключателем – света не было. Она подошла к плите, зажгла газ, поставила чайник. Стала искать свечи.

– У меня какие-то слуховые галлюцинации, – Татьяна потерла виски, – все время слышу трубный звук.

– Помешательство коллективное, – кивнул Борис, прислушиваясь, – мне тоже чудится.

Они замерли и отчетливо услышали откуда-то из-под земли протяжный стон. Посмотрели друг на друга.

– Ты здесь прежде никого не хоронила? – спросил Борис.

– Перестань, я боюсь, – прошептала Татьяна.

– Неси ружье, – так же шепотом проговорил он.

– Оно не заряжено, – еще тише сказала Татьяна.

– Последний акт! – гаркнул Борис, и Татьяна завизжала от страха, присела и закрыла голову руками. – Незаряженное ружье выстрелит! – патетически продекламировал Борис. – Ну? И чего ты испугалась? Вставай с колен, девушка. – Он помог ей подняться. – Живет здесь одна, на выселках, в снегах и пожарищах,

и боится простых вурдалаков. Я думал, ты давно с ними подружилась. – Он держал ее за плечи.

– Здесь нет вурдалаков. – Татьяна по-прежнему шептала. – Вообще никого нет, все очень спокойно.

В этот момент снова раздался гулкий стон.

– Да, я слышу. – Борис разжал руки. – Местечко исключительно тихое. Особенно последние сутки.

Непонятные, тревожные звуки отбили и у него охоту шутить и позерствовать. Он не хотел показывать своего беспокойства, но чувствовал себя персонажем в страшной детской сказке про черную-черную ногу.

– Дополнительное энергоснабжение у тебя есть? – спросил он Татьяну.

– Да, в гараже генератор газовый. Надо включить.

– Так пойдем в гараж?

– С ружьем?

– Нет, с осиновым колом.

Борис оглянулся: чем бы вооружиться? Остановился на кухонном топорике. Взвесил его в руке – игрушка, но с ней увереннее себя чувствуешь.

Татьяна почти прилипла к его спине, Борис слышал запах ее духов и клацанье зубов. Они шли осторожно, оглядываясь. Борис держал топорик в отведенной в сторону, приготовившейся к бою руке. Миновали палисадник, свернули к гаражу. Снова раздался звук – он несся из дверей гаража и походил на плач какого-то огромного животного.

– Корова! – воскликнула Татьяна. – Зорька! Девочка!

Она обрадовалась, что вместо вурдалаков обнаружилась Зорька, и в первый момент даже не подумала о том, какая обуза на нее свалилась. Татьяна ласково погладила коровий лоб и побежала в угол гаража включать генератор.

Зажегся свет, сначала тусклый, потом лампы стали светить ярко. Татьяна вошла в соседнее с гаражом помещение кладовой. Боря внимательно смотрел на корову. Обошел ее вокруг. С коровой дело обстояло плохо.

– Животное! – шепотом сказал Борис. – Ты что задумало? Ты заболело? Или рожаешь? Подожди, потерпи. Это ты не вовремя. Таня! – позвал он. – Мне кажется, с Зорькой не все в порядке.

– А что с ней? – беспечно отозвалась Татьяна. – Подожди, я тебе соленостей: грибочков, капусты, огурцов, – все сама готовила, достану.

– Таня! – снова позвал Борис. – Таня, иди сюда!

– Да я слышу по запаху, она кучу сделала.

– И еще она немножко рожает.

– Говори громче, я не слышу.

– Корова те-е-елится! – закричал Борис и тихо добавил: – Или подыхает.

Татьяна бросила пакеты и вернулась в гараж. С Зорькой происходило что-то странное. Она стояла в луже бурой жидкости, переступала с ноги на ногу, жалобно мычала, а по ее огромному животу пробегали волны судорог. Вдруг она завалилась на бок, судороги усилились. «Схватки», – догадалась Татьяна.

Видеть животное, большое и страдающее, при этом чувствовать полнейшую растерянность и беспомощность – испытание редкое и сокрушительное для городского человека. Борис и Татьяна невольно схватились за руки и, вытаращив глаза, наблюдали за происходящим.

Вытянув могучую шею, откинув голову, Зорька замычала так жалобно, что у Татьяны вырвался ответный стон.

«Сейчас корова умрет. Сейчас она сдохнет», – стучало у Бориса в голове. Он уже мысленно видел картину – огромная туша умершей коровы, вокруг летают злобные зеленые мухи. Откуда мухи в декабре? Это он переборщил. Но корова точно сдохнет, уже помирает. Так страдают только перед смертью.

– Таня! – проговорил он хрипло. – В природе акушеров нет. Животные сами знают… у них рефлексы, инстинкты… Давай не будем ей мешать? Пойдем? А потом… потом придем?

– Нет, мне Анна Тимофеевна говорила, что, когда Зорька телится, она ей обязательно помогает.

– Каким образом?

– Я не знаю.

Потуги у коровы усиливались, и вдруг из-под хвоста появился буро-желтый пузырь размером с небольшой абажур. Таня и Борис дружно ахнули. Пузырь уполз обратно в утробу коровы.

– Что это? – судорожно сглотнула Татьяна.

– Не имею понятия. Я специалист по римскому праву, а не ветеринар.

Надо было что-то делать. Но что? Ни Борис, ни Татьяна ничего не понимали в ветеринарии. Оставалось надеяться на чудо.

И вот у Зорьки снова начались потуги, снова появился пузырь. Вдруг он лопнул, и показались маленькие копытца и голова теленка, уютно на них положенная. Зорька еще дважды напряглась, и теленок целиком выскочил.

– Ура!! – радостно закричали «акушеры». Корова обессиленно откинула голову и тяжело дышала. Покрытый слизью теленок лежал на циновке, чихал смешным носиком. Татьяна села рядом с ним на корточки, сняла с шеи шарф и вытерла его мордочку.

– Ты мой хорошенький! Живой! Умничка!

– Таня, подожди, – остановил ее Борис. – По-моему, все самки после рождения детенышей должны их сами облизывать. А ты своим запахом можешь навредить. Видишь, Зорька уже беспокоится.

Зорька подняла голову и требовательно замычала. Даже пыталась встать. Но сил у нее не было, только дернула ногами. Таня и Борис, взявшись за четыре угла циновки, подтащили теленка к роженице. Корова тут же стала его умывать огромным шершавым языком.

Татьяна смотрела и смотрела бы на трогательную сцену, но, бросив взгляд на Бориса, поняла, что пора уходить. Если у коров все происходит как у женщин, то должен отойти послед. Татьяна дождалась бы, убрала. Но надо подумать и об этом мужественном человеке, которого неведомым ветром занесло в ее дом.

Пока Борис принимал душ, а потом они обедали, пили кофе, совсем стемнело. Татьяна предложила ему переночевать и в Москву отправиться утром. Она говорила беззаботным тоном, всячески стараясь исключить двусмысленность предложения. Но он посмотрел на нее так, словно уловил только эту двусмысленность. И сказал извиняющимся тоном:

– Я не могу остаться. Завтра утром лекция, а в одиннадцать защита кандидатской у моего аспиранта.

– Но ты найдешь дорогу? – Никаких подтекстов, только забота о ближнем.

– С закрытыми глазами. У меня такое чувство, что мы еще увидимся.

Где? Когда?

«Жена, дочь», – мысленно напомнила себе Татьяна и неопределенно пожала плечами: скорее всего, мы больше не увидимся.

«Богатый покровитель», – понял Борис.

– Ну что ж! – Он развел руками. – Я провел незабываемые сутки, и ты произвела на меня неизгладимое впечатление.

Выражение «заботливая мамаша» на Танином лице сменилось на «кающаяся грешница».

– Ах, еще раз прости меня! И огромное тебе спасибо за все!

Борис вспомнил мечты, которым он сегодня утром предавался в баньке, и заявил с несвойственным ему нахальством:

– Одним спасибо сыт не будешь. – Не давая Таниному удивлению остыть, продолжил: – Гробокопатель, пожарник и «акушер» заслуживает хотя бы маленького приза.

Таня настолько растерялась, когда он вдруг приник к ее губам, что не сопротивлялась, хотя и не отвечала на его поцелуй. Испуганно замерла: на сколь серьезный «маленький приз» Борис рассчитывает?

По тому как она отреагировала на его прикосновение, Борис заключил, что Татьянин покровитель не только богат, но и патологически ревнив – умудрился женщину до обморока запугать! Отстранившись от Татьяны и желая сгладить неловкость момента, Борис с усмешкой процитировал пушкинские строчки из «Евгения Онегина»:

Надежды нет! Он уезжает,

Свое безумство проклинает —

И в нем глубоко погружен.

– Как с вашим сердцем и умом

Быть чувства мелкого рабом? —

неожиданно ответила Татьяна строками из того же произведения. Борис удивился и продолжил литературную дуэль по «Евгению Онегину»:

Благодарю за наслажденья,

За грусть, за милые мученья,

За шум, за бури, за пиры,

За все, за все твои дары.

Татьяна простила Бориса за вольность с поцелуем:

Как сильно ни была она

Удивлена, поражена,

Но ей ничто не изменило:

В ней сохранился тот же тон,

Был так же тих ее поклон.

Борис польстил Татьяне тем, что она напоминает свою литературную тезку:

Она была нетороплива,

Не холодна, не говорлива,

Без взора наглого для всех,

Без притязаний на успех,

Без этих маленьких ужимок,

Без подражательных затей…

Все тихо, просто было в ней.

Я знаю: в вашем сердце есть

И гордость и прямая честь, —

вновь подхватила Татьяна.

Понимающе кивнув, Борис договорил окончание строфы:

Но я другому отдана;

Я буду век ему верна.

– «Прости ж и ты, мой спутник странный», – улыбнулась Татьяна.

– Я выучил «Евгения Онегина» в армии, спасаясь от идиотизма солдатской жизни.

– А я в восьмом классе в пылу девичьих романтических восторгов.

– В «Евгении Онегине», как в Библии, есть цитаты на все случаи жизни. Ну, мне пора.

– Я провожу тебя до машины.

На улице было очень холодно: к ночи ударил крепкий мороз. Они торопливо пожали руки, обменялись ритуальными «приятно было познакомиться… всего доброго…» и поспешили в тепло.

Глава 2

Татьяна зимовала в Смятинове второй год. Короткие дни и долгие вечера с неспешными занятиями: прогулками на лыжах, уборкой дома, рукоделием, чтением, работой в зимнем саду – тянулись медленно, но мелькали быстро. В неторопливости, необязательности труда была прелесть отдыха, единого с отдыхом природы. Вместе с природой ранней весной Татьяна пробуждалась от спячки, менялся ритм ее жизни – на быстрый, напряженный, выматывающий. Она не разгибала спину в цветниках, оранжерее, на грядках, в саду. Почти всю работу на участке в полгектара Татьяна делала сама, только на самую тяжелую или строительную: ямы под деревья выкопать, траву покосить, ограду поправить – нанимались работники. Она трудилась не ради урожая овощей, хотя они были как фермерские, не на продажу цветы разводила и оформляла цветники. Освоила все их виды: альпийские горки, солитеры, миксобордеры, партеры, рабатки, не говоря уже о клумбах. Она конструировала собственный мир. В этом мире она была и творцом, и работником, и строгим критиком, и сибаритствующим потребителем.

Зимой и летом, весной и осенью к Татьяне приезжали гости, редкая неделя обходилась без визитов. Ее подруги, родственники, дети с оравой шумных друзей – все полагали, что старания Татьяны направлены на то, чтобы создать для них прекрасные условия для отдыха на природе. В самом деле, не для себя же она строит беседки, оборудует уютные местечки для жаровни и коптильни, запускает в прудик рыб и ровняет площадку для тенниса. Она и в теннис-то не играет. Это было справедливо, но лишь наполовину. Как красивое платье: ты надеваешь его, и не только окружающие оценивают словом, взглядом достоинства наряда, но и сам ты дома, перед зеркалом, испытываешь подъем духа.

Подлинное удовольствие Татьяне всегда доставляли только вещи, которые заключали в себе частичку ее фантазии и труда. Тяга к рукоделию проявилась у Татьяны очень рано. Ей было пять лет, когда она уговорила бабушку научить ее вышивать крестиком. До сих пор помнит – большие пяльцы с натянутой на них белой рогожкой и ее неловкие руки, которые по расчерченному рисунку толкают иголку, ошибаются клеточкой, больно укалывают в подушечки пальцев, запутывают нить в узелки. В первом классе она уже вышивала хорошо не только болгарским крестом, но и гладью. Папа шутил, что у дочери руки умнее головы. Это было не совсем верно, потому что училась она на твердые четверки. Но обычным девчоночьим забавам: секретничанию, пылкой дружбе, щекочущим нервы разговорам о мальчиках, о происхождении детей, поцелуях и о самом-самом тайном – Татьяна предпочитала тихое и кропотливое постижение возможностей какого-то материала, превращавшегося в ее руках в красивое изделие.

Ее детство, вроде истории земли с ее каменными и бронзовыми веками, разделилось на периоды увлечений разными материалами для рукоделия. После вышивания наступил пластилиновый период. Она лепила из пластилина дома, деревья – целые поселки и их жителей – рыцарей на лошадях и красивых дам в длинных платьях. В их с бабушкой комнате было тесно, и под сказочный город можно было отвести только часть письменного стола. Поэтому приходилось время от времени превращать замок, королеву или яблоневый сад в комки пластилина, из которого лепились новые предметы и персонажи. Новые – лучше прежних, техника оттачивалась, появлялось чувство материала, который делился с ней секретами собственной пластики.

После пластилиновой эры наступила эра выжигания по дереву. Сначала разделочные кухонные доски из магазина «Все для дома». Татьяна их

полировала мелкой наждачной бумагой, наносила карандашом контур рисунка. Потом аккуратно водила по контуру жалом прибора для выжигания. Раскрашивала красками и покрывала лаком. Вслед за досками настал черед матрешек, шкатулок, ложек – в ход шли любые заготовки из дерева, которые удавалось достать. Их кухня, а потом и кухни московских тетушек украсились яркими расписными досками, полочками, солонками, плошками.

В пятом классе Татьяна начала вязать крючком: сначала простенькие салфетки – столбик, столбик, столбик с накидом, – потом ажурные блузки, платья, скатерти, шали. Когда ее мама холодными осенними днями набрасывала на плечи связанную Таней шаль (темно-бордовую, со сложной каймой и объемными цветами), никто из сослуживцев не мог поверить, что шаль связала двенадцатилетняя девочка.

Самым трудным было достать необходимую пряжу, магазинный ассортимент не удовлетворял даже очень скромные запросы. А Тане для воплощения ее идей требовались то шелковое мулине, то серебряная нить, то шерсть, по-особому скрученная. Она знала все отделы кройки и шитья в московских магазинах, ездила на Птичий рынок, где иногда прибалты продавали хорошую и недорогую пряжу. Покупала в универмагах мужские носки, распускала их на нити, которые наматывала на дощечки, отпаривала горячим утюгом через мокрую тряпку, чтобы пряжа распрямилась, сушила, сматывала в клубки. Татьяна еще в детстве поняла, а потом не раз убеждалась, что успех любого рукотворного дела зависит не только от способностей, фантазии и ловкости, но и от хорошего материала и инструмента. «Из маслица и курочки сделает и дурочка», – говорила бабушка.

Денег, которые родители выделяли на приобретение материала, не хватало, и Таня экономила на школьных завтраках, неделями копила, потом просила у отца «два рубля на спицы восьмого номера». Спицы она присмотрела в велосипедном отделе, стоили они тридцать копеек, сточить напильником резьбу и будут в самый раз. Оставшихся денег хватит, чтобы тайно купить и распустить, отделив золотистую нить, индийскую косынку. Тайно, потому что испортить новую вещь родители бы никогда не позволили. А золотая кайма нужна на подложку орнамента новой кофточки для мамы. С подложкой рисунок приобретает объемный и парадный вид. Мама наденет кофточку на Восьмое марта, и все будут поражаться – лучше импортной.

Каждый «материальный» период наполнял Танины сны новым содержанием. Пластилин плавился, вытягивался, превращаясь в готический храм, как

иллюстрация в учебнике истории, который Таня накануне рассматривала у соседской девочки. На деревянной поверхности взмахивали крыльями чудо-птицы. Крючок захватывает нить, закрепляет узелок за узелком, и растет кайма придуманного ею плетения. Взялась прясть кружева на бирюльках – снились чудные узоры и ее быстрые пальцы, перебирающие деревяшки. Делала из теста смешных куколок – снились мордашки и фигурки, пародирующие знакомых и учителей. Вырезала по фанере лобзиком – пыталась во сне вспомнить узор на наличниках, которые видела однажды в деревне. Пластилин, пряжа, нити, глина, дерево, проволока, смешение красок, цвета, оттенки – их чувствовали глаза, пальцы, поэтому это был чувственный мир, в который она погружалась, чтобы не сразу, а постепенно обучаясь, прийти к удовольствию от игры с покорившимся материалом и найденной цветовой гаммой.

Таня была счастлива в своем мирке и не могла понять, почему другие в него не рвутся. Она пыталась вовлечь подружек, хотя, кроме слов «это так здорово, так интересно», не могла найти других аргументов. А подруги, корпя несколько вечеров над пяльцами или устав путать прямую петлю с изнаночной при вязании на спицах, выносили приговор – «Нудно и скучно!».

Единственным женским рукоделием, которое Таня не освоила, было шитье одежды. Стрекот швейной машины не умолкал в доме – шила бабушка. Превзойти ее в уровне мастерства было невозможно. Бабушка умела делать все: выбивать узоры «ришелье» на постельном белье, шить платья из скользкого, неудобного в работе шелка и капризного крепдешина, справлялась с трикотажем, для которого требовались специальные насадки. Бабушка полностью обшивала семью, готового платья не покупали. Даже пальто, плащи и костюмы для отца были домашнего производства, но качества неотличимого от фабричных импортных. Бабушка брала заказы со стороны. Но для посторонних шила только платья. Потому что мужские костюмы, в частности пиджаки, и пальто требуют особой технологии, длительной и сложной. Мужские мастера – вообще особая каста, они на финтифлюшки не размениваются. Пока один костюм выполнишь, можно пять платьев сделать. А кто тебе заплатит за него как за пять платьев? И цену называть неудобно.

Когда Тане исполнилось шестнадцать лет, они с бабушкой организовали союз модельера и портного. Внучка следила за модой, придумывала фасоны, бабушка их выполняла. Постоянные заказчицы, прежде стоявшие в очередь к бабушке, теперь первым делом шли к «модельеру». Идеальные фигуры встречались редко, и приходилось ломать голову, как скрыть полноту или худобу, зрительно

уменьшить выдающийся бюст или, напротив, замаскировать его отсутствие.

Объяснялась с клиентками бабушка, потому что Таня не могла указывать взрослым женщинам на недостатки их фигуры. Бабушка в выражениях не стеснялась.

– Вы, Лариса Петровна, – говорила она, – что коробок спичечный на ножках. Плечи гренадерские, зад плоский, талию не найти. Будем все маскировать. Таня правильно нарисовала – трапеция от кокетки.

Заказчицы желали следовать моде, невзирая на то что модный силуэт делал их карикатурными.

– Какие узкие брючки! – журила бабушка. – У тебя, Валя, ноги от бедер колесом. Ступни вместе поставишь, баран между коленок проползет. Таня говорит – легкий клеш, слушайся!

– Что? Юбка в сборке на талии? Шура, в тебе метр росту и бедра в три обхвата! Тебя будет легче перепрыгнуть, чем обойти.

– Жабо? Вы, Генриетта Станиславовна, хотите жабо на блузку, как у моей невестки? У Людмилы третий размер, а на ваш бюст, извините, можно тарелку ставить и щи хлебать.

Клиентки если и обижались на злой язычок бабушки, то виду не показывали, боялись поссориться с хорошей портнихой.

Однажды Таня нечаянно услышала разговор родителей. Отец, кивнув в сторону комнаты, из которой слышался перестук «Зингера», сказал раздраженно маме:

– Как мне осточертела машинка и тетки со своими примерками!

– Но, Петенька! – ласково увещевала мама. – Это же такое подспорье!

– Я все понимаю. Но столько лет: тырдык-тырдык, тырдык-тырдык – хуже бормашины.

Отец в их семье был абсолютным кумиром. Он работал шофером на той же автобазе, где его жена занимала должность главного бухгалтера. Никому – ни жене, ни свекрови, ни дочери – не пришло бы в голову говорить о его низком социальном положении. Напротив, авторитет отца в семье был непререкаем, желания немедленно исполнялись, кулинарные предпочтения (отсутствие в супе вареного лука, картошка, жаренная на свином сале) становились обязательными для всех. Он был Хозяином с большой буквы, и первой ставила заглавную букву бабушка. Она воспитала дочь и внучку: мужчина в доме, если он, конечно, не пьющий и вообще не пропащий, – царь, бог и воинский начальник. Ваше дело заботиться о нем, холить и лелеять. Он трудится потяжелее вашего, и попросить его пол помыть или белье погладить – значит опозорить свою женскую сущность.

Бабушкина наука так прочно усвоилась Татьяной, что, когда ее собственный муж Андрей впервые вызвался помыть посуду, Татьяна едва не расплакалась от умиления. Восприняла его порыв как свидетельство самой пылкой любви и жертвенности.

* * *

Бабушка Таня (внучку назвали в ее честь) приехала в Москву, когда ей было двадцать лет, из Макеевки – города сталеваров на востоке Украины. Ее родителей репрессировали, но родственники успели отослать девушку в столицу к земляку-портному. В Макеевке мужчины трудились у доменных печей и прокатных станов. В Бога они не верили, загробной жизни не боялись – на заводах шесть дней в неделю, восемь часов в день занимались адским трудом. Чтобы поддержать работника, жены отдавали ему лучший кусок, то есть мясо и сливочное масло, а себе и детям оставляли кашу и маргарин. Мужчины редко доживали до преклонных лет, каторжная работа и водка к сорока годам превращали их в стариков, после пятидесяти они быстро отправлялись на погост. Но пока были живы, жены и дочери истово о них заботились.

Работая у мастера, Танина бабушка по его поручениям ходила в магазин тканей, долго стояла в углу, присматриваясь к продавцу. Это был молодой мужчина, на вид довольно крепкий. Но здоровый мужчина не мог работать с метром в руках! Разве это мужская работа? Значит, он инвалид, что-то у него было не в порядке со здоровьем. Несколько месяцев Татьяна стояла в сторонке, пытаясь определить, в чем заключается ущербность веселого, балагурящего с

покупательницами продавца. Видимых дефектов у него не было, следовательно – внутреннее заболевание, от которого он скоро умрет. Каждый раз, войдя в магазин и увидав парня, она радовалась – еще жив. В тяжелобольные она также, не сомневаясь, записывала мужчин официантов, кассиров, маляров и вагоновожатых.

Она и мужа себе выбрала под стать ее представлениям о мужчине-труженике – молотобойца Егора с завода «Серп и молот». Татьяне от деда достались кудрявые непокорные волосы, более в семье ни у кого таких не было. Дед Егор погиб в начале войны, а бабушка больше замуж не вышла. Поднимала двоих детей – Людмилочку и Витеньку, трудилась на швейной фабрике и подрабатывала заказами дома. Почти круглые сутки за машинкой, с перерывами на сон, стряпню и уборку.

Зятем, Татьяниным отцом, бабушка была довольна – хороший, работящий мужчина. А невестку Клару, жену дяди Вити, не жаловала. Та позволяла себе часто болеть, то есть прикидываться немощной, чтобы не ухаживать за Витенькой, как положено примерной жене. Тот факт, что дядя Витя и тетя Клара работали за соседними столами в конструкторском бюро, вместе уходили на завод, вместе приходили и получали одинаковую зарплату, во внимание не принимался. Витенька картошку «у нее» чистит, детей в садик отводит и пылесосом по коврам шмыгает – значит, не повезло ему, бедняжке. Хотя бабушка определилась на жительство в семье дочери, сокрушаясь о несчастном сыночке, она периодически делала налеты на его дом, устраивала генеральные уборки, пекла его любимые пироги и, самое главное, учила Клару быть правильной женой. «Учеба» едва не привела к разводу. Бабушке пришлось от ревизий отказаться, но к сыну и двум внукам относилась она с глубокой жалостью и сочувствием, как к тому продавцу тканей.

Султанство в семье Таниного отца не имело ничего общего с тиранством и деспотией. Петра Сергеевича окружали в доме забота и внимание трех женщин, но они, в свою очередь, не знали проблем с капающими кранами, постройкой антресолей под потолком в коридоре или холодильника для консервов, выдолбленного в толстой каменной стене на кухне. На дни рождения, Новый год, Восьмое марта теща, жена и дочь всегда получали подарки – флакончики духов, косынки или бижутерию. Тишина и покой в их доме никогда не нарушались ссорами и выяснением отношений. Выяснять было нечего – пожелания Петра Сергеевича не обсуждались, а хозяйственные починки и ремонты он не откладывал на потом.

Звуки Таниного детства: шелест газеты в руках отца, звяканье посуды у мамы на кухне, стрекот бабушкиной машинки. Хотя Петра Сергеевича раздражал промысел свекрови, ему в голову не приходило запретить пошивочный цех. Каждая копейка была на счету. Сам он часто работал сверхурочно, жена вела домашнее хозяйство строго экономно: все должны быть одеты с иголочки, модно, красиво, но никаких излишеств в еде и развлечениях. Лишний рубль был дорог для их общей любви и заботы – для дачи. Строили ее долго, по досочке, по кирпичику. Буквально не пройдут мимо свалки, где увидят хорошую доску, мимо кирпича, валяющегося на улице.

Десять лет Петр Сергеевич стоял в очереди на участок, копил деньги на автомобиль, чтобы ездить на дачу. Шесть соток каменистой, неплодородной, утыканной пнями земли выделили в Малаховке за большими госдачами.

Возделывали землю, строили домик с упорством золотоискателей.

– Вот ведь и доказывать не надо, – говорил отец, разгибая натруженную спину, – что у тебя, Танюшка, в роду, что с одной стороны, что с другой, сплошь кулаки были. Мы с землей разве только не целуемся.

Дача в Малаховке – это планета детства Тани и ее двоюродных братьев. Там были бурные реки, морские побережья, тропические заросли, рабовладельческие плантации, пустыни, горы, пампасы и непроходимые болота. Проносились хищные животные, кусались ядовитые змеи, ползали тарантулы и страшно ухала ночью сова-убийца. Населяли планету то племена индейцев, то отважные ковбои и охотники, то партизаны и командиры Красной армии, то рыцари-крестоносцы.

Летом бабушка закрывала свою «мастерскую» до осени, «Зингер»-кормилец оставался дома. Но бабушка не могла позволить, чтобы ее денежный вклад в семейный бюджет ограничился пенсией. Она брала для присмотра детей с соседних дач. Ровесницы Тани, Ольга и Лена, жили у них от выходных до выходных, часто и ночевали, если родители не приезжали после работы. «Пионерлагерь» называл их папа.

Все, что когда-либо было – росло, цвело или строилось, – в Малаховке до сих пор наделено для всей семьи особым смыслом. Собравшись за столом, родня могла до криков спорить, куст красной или черной смородины рос в углу за туалетом.

Доказать свою правоту – как подтвердить давнее проживание на той планете.

Дача в Малаховке и сейчас принадлежала их семье. Вернее – отцу. Татьяна не была там несколько лет.

Они – бабушка, мама, Таня – правильные и трудолюбивые, доброжелательные и преданные, – в чем-то очень сильно ошибались. После смерти мамы, которую в полгода убил зловредный рак, отец женился на пьющей стерве. Она нынче хозяйничала в Малаховке.

А идеальную жену Татьяну, положившую жизнь на алтарь семьи, муж бросил, едва выросли дети.

* * *

Татьяна, семнадцатилетняя девушка, стояла у стенда приемной комиссии Архитектурного института. Перечитывала названия экзаменов, словно надеялась взглядом стереть их. Рисунок, гипсовый слепок классической головы, композиция – нагромождение объемных фигур. Черчение – по заданному аксонометрическому изображению нужно выполнить в карандаше и обвести тушью…

У них было черчение в восьмом классе. Для хорошей оценки требовалось в нижнем левом углу вписать четким почерком свою фамилию.

Архитектором Таня решила стать несколько месяцев назад, перед выпускными экзаменами в школе. До этого она почему-то не обращала внимания на здания. Окна, двери, балконы, лепнина – фантики для каменных коробок.

Фраза подруги Ольги «Мой репетитор живет в доме, похожем на беременную курицу» рассмешила Татьяну.

– Хорошо, что ты не поступаешь на биологический, – сказала Лена. – К твоему сведению, курица может нести яйца и без участия петуха.

– Не может быть! – воскликнула Ольга. – Кто же ее тогда осеменяет?

– Никто, – ответила Лена. – Ой, девочки, смотрите, что получается: курица как символ вечного непорочного зачатия!

– Не зачатия, – поправила Таня, – а вечной беременности.

– Одно другого краше, – сказала Ольга. – Нет, вы мне объясните тогда роль петуха в истории.

Лена поступала на биологический факультет МГУ, Ольга – в педагогический на исторический факультет. Таня никак не могла определиться. В текстильный? В лесотехнический? На филфак?

После чудного Ольгиного сравнения она стала присматриваться к домам и зданиям: а это на что похоже? Дом союзов на проспекте Маркса напоминал нарядный торт. Немаленькое по размерам здание, а легкое, словно нет у него фундамента, и можно движением руки передвинуть на другое место. А рядом здание Госплана. Фашистская Бастилия – назвала его мысленно Таня. Серая громадина, давит на тебя, будто хочет запугать, показать твою, муравьишки, слабость и беспомощность. Таня стала замечать различия в типовых коробках жилых домов. Здесь архитектор решил сбить унылый геометрический ритм балконов и расположил их лесенкой. Те жильцы, что лишились подсобного помещения, конечно, помянули его недобрым словом, а другие загубили идею, застеклив балконы каждый на свой лад. А вот стоят два дома-близнеца, но у одного лестничные шахты закрыты ажурной бетонной плитой, а у другого сплошной. Специально сделано или решеток не хватило?

Она знала этот внутренний щекотливый зуд – такой у нее начинался, когда мысленно присматривалась к новому материалу для рукоделия. Неужели и с камнем, бетоном можно как с пластилином, пряжей? Строить, придумывать дома? Она взяла в библиотеке книгу об истории архитектуры. Зуд усилился, будущая профессия определилась.

И вот теперь рисунок, композиция, черчение… Она плохо рисует. Она вообще не рисует. Последнее творчество – лет десять назад, деревяшки раскрашивала. Гуашь, картон, акварель, масло, холст – все запретное. Поклялась – никогда.

* * *

Ее преподаватель в художественной школе, Эмиль Зурабович, был педофилом. Черная бородка клинышком, потная лысина, толстые волосатые пальцы. Ими он поглаживал ее, старательно рисующую кубы и вазы; тени, полутени, перспектива. Так, чтобы другие ребята не видели. Сажал ее у стены. А однажды залез под юбочку, оттянул резинку трусов и провел по попе. «Такая способная девочка! Я с тобой отдельно заниматься хочу».

Таня не могла сказать родителям. Она шла в художественную школу как в храм. Эмиль Зурабович был в нем священнослужителем – родители к нему так и относились. Дети взрослых не критикуют, тем более священнослужителей. Татьяна знала, чего добивается преподаватель, – Ольга и Лена еще летом объяснили. Такая мерзость!

Он позвонил к ним домой, когда Таня пропустила месяц занятий. Разговаривал с мамой. Таня дрожала, слушая мамины «да, спасибо, я понимаю». Не выдержала, расплакалась.

Мама обняла ее, принялась успокаивать:

– Ничего страшного, доченька. Я знаю, как ты мечтала научиться хорошо рисовать. Но ты замечательно рисуешь и вышиваешь! Ты у меня такая мастерица! Не плачь. Подумаешь, не будешь художницей. Я тоже очень хотела стать балериной. Бредила балетом, целыми днями танцевала перед зеркалом. Но не вышло. Ну и что? Разве мы плохо живем?

– Что он тебе сказал? – между всхлипами спросила Таня.

– Он сказал, что ты очень старательная и усидчивая. Это правда, все учителя говорят. Замечательные качества, они в жизни очень пригодятся.

– Что еще он сказал?

– Что у тебя нет таланта, а способности немного… немного маленькие. Но если ты будешь заниматься, то, возможно, разовьешь… Доченька, я не хочу, чтобы ты поломала себе жизнь, переживала разочарования. Не нужно тебе быть художницей, а то как я… или вот тетя Клара. Она думает, что хорошо поет.

У тети Клары был мощный громкий голос и полное отсутствие слуха. Включившись в застольный хор, она портила любую песню, всех заглушала и нещадно врала мелодию. Но сама об этом не догадывалась. И семейную присказку «как Клара петь» принимала за комплимент, хотя смысл был совершенно иной – «с энтузиазмом испортить дело».

Значение слова «педофил» Таня узнала значительно позже, в старших классах. Кто-то рассказал анекдот: «Чем педофил отличается от педагога? Педофил любит детей по-настоящему». Таня рассмеялась вместе со всеми, хотя юмора не поняла. Дома посмотрела в словаре. Извращенец с патологической сексуальной тягой к детям.

Но тогда приговор Эмиля Зурабовича не вызвал у нее ни тени сомнения. Так и есть – усидчивая бездарь. Она это подозревала. Мама успокаивает. Папа кивает. Бабушка жалеет. А он! Он знает точно! Человек, который делает то, что не делает никто из взрослых. Он должен быть особенным. Пусть по-плохому, но особенным. И он знает точно.

* * *

Стоя у стенда и читая условия приема в Архитектурный институт, Татьяна впервые усомнилась: а если он врал? Боялся, что она расскажет о его приставаниях? Поставил клеймо, и она всю жизнь (тогда это была уже вся жизнь!) боится взять в руки фломастер и черкнуть запомнившийся профиль?

От этих мыслей Таню отвлекло чувство странного шевеления волос на затылке. Она оглянулась. Какой-то парень. Сложил губы трубочкой и дует ей на волосы.

– Они у тебя похожи на одуванчик и одновременно на водоросли в воде, как в фильмах Тарковского, – сказал он с улыбкой.

– Пошел ты! – неожиданно грубо ответила Таня. – Пошел ты! Педофил!

– Почему «педофил»? – удивился парень. – На вид тебе уже больше десяти лет.

Сдерживая слезы, Татьяна быстро провела серию жестов, которые должны были означать: извините, мне сейчас нехорошо, оставьте меня в покое.

Она вышла из вестибюля института, добрела до ограды, села на парапет. Не заметила, что парень пристроился рядом.

– Не только труд, но и любопытство сделало из обезьяны человека, – заговорил он притворно серьезно. – И если вы, девушка, мне откажете, эволюция вам не простит.

– О чем вы? – не поняла Таня.

– Вы семь минут стояли у стенда, на котором нет ничего похожего на улыбку Джоконды. Скажу больше. Условия приема в наш институт не могут конкурировать даже с «Квадратом» Малевича. Надеюсь, вам знаком этот джазовый квартет?

– Нет, – серьезно ответила Таня. – Это картина такая.

– Слава богу! – облегченно вздохнул парень. – Девушка, вы будете жить! Вам не надо к моему дяде психиатру. Как вас зовут? Таня? Немедленно скажите мне свою фамилию!

– Прокофьева, – слегка улыбнулась Таня.

– Замечательно!

– Почему?

– Потому что не Ларина. Каждый российский мужчина страстно желает и более всего боится встретить на своем пути Татьяну Ларину, одноименную героиню романа А Эс Пушкина в стихах.

– Если бы одноименную, роман бы назывался ее именем, а не «Евгений Онегин».

– Так, на филфак вас примут без экзаменов. Но вы хотите к нам, в Архитектурный?

Татьяна кивнула и отвернулась. Человек, который пренебрежительно отзывается о ее любимой героине русской литературы, внимания не заслуживает.

В школе им литературу преподавала усталая, забитая жизнью учительница. Она клеймила произведения как пастух овец: тема, идея, типичный представитель, лишний человек, характерные черты образа, запишите план сочинения, введение, главная часть, заключение. Для поиска цитаты к сочинению Таня и открыла «Евгения Онегина», по доброй воле она бы никогда не стала читать длиннющие стихи. Открыла – и пережила первое, возможно единственное в жизни, потрясение от прочитанного. Татьяна Ларина – это она сама, Таня Прокофьева, или та, которой она обязательно станет. Невозможно поверить, что подобное написал мужчина сто лет назад! Откуда он знал? Каждая строчка – будто из ее собственного сердца, будто она написала. То есть она-то стихов писать не могла, но Пушкин как-то умудрился легко и точно выразить все ее чаяния и мысли. И хотя Татьяна Ларина рукоделия не любила – «ее изнеженные пальцы не знали игл; склонясь на пяльцы, узором шелковым она не оживляла полотна», – в остальном это был абсолютный идеал.

Татьяна благодарила провидение и родителей за то, что носит одно имя с любимой героиней. Закусив губу и трепеща от возбуждения, словно молитву, она писала в сочинении: «Главное свойство Татьяны Лариной – душевное благородство и сильно развитое чувство долга. Она считает, что если сама, по своей воле дала обещание нелюбимому человеку быть ему верной женой, то обязана хранить нерушимо это слово. В неспособности к обману, к сделкам с совестью, в забвении любви ради долга Пушкин видит высшие душевные качества героини». И сама Таня Прокофьева мечтала не столько о роковой любви, сколько о возможности пронести по жизни знамя долга и самоотречения.

Несколько вечеров Таня смотрела по телевизору, как известный артист читал «Евгения Онегина». Он знал произведение наизусть! Татьяна решилась на подвиг – строфа за строфой, глава за главой учила эти стихи. И осилила!

Справедливости ради надо сказать, что других стихотворений она не знала, а рукоделие почти не оставляло времени для чтения. Но чтобы выглядеть в компании эрудиткой, «Евгения Онегина» доставало с лихвой.

* * *

Она толком не рассмотрела парня, проявившего к ней сердобольное участие у порога Архитектурного института. Слушая его болтовню, несколько раз скосила глаза: чернявый, как говорит бабушка. Под это определение попадают все кавказцы, а также таджики, итальянцы, испанцы, евреи и прочие народности южных кровей.

– Почему же вам, Таня, хочется стать архитектором? – настаивал молодой человек.

Что она могла ему ответить? Потому что я люблю крестиком вышивать и крючком вязать? Потому что мне уже три месяца нравится рассматривать дома, мысленно придумывать новые и еще я прочитала одну книжку об архитектуре?

Таня неопределенно пожала плечами и спросила сама:

– А вы здесь учитесь?

– Да. Перешел на четвертый курс.

– Трудно было поступить?

– Рассказываю по порядку. После школы поступал и провалился, что логично. Отслужил в армии и уже поступал со стажниками. Расклад у нас следующий. Заявлений семьсот штук – уже, а еще две недели будут принимать. Итого под тысячу наберется. Берут сто человек. Вроде конкурс получается десять на место. Но это для печати. На самом деле двадцать мест для стажников – тех, кто два года минимум трудился по рабочим специальностям или служил. Среди них тоже конкурс, но не сокрушительный, можно даже одну тройку получить. Остается восемьдесят мест. Семьдесят – для блатных, это железно. Десять – для гениев и самородков, которых нужно отобрать из добрых девяти сотен. Похлеще, чем в театральном, или также. Словом, «думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь». Эту головную боль.

– Я еще и рисовать не умею, – пробормотала Таня.

– Архитектору, кроме художественных способностей, требуется пространственное воображение, чувство композиции, гармонии линий,

пропорций – да много чего требуется. Послушай, есть вуз с чудным названием МИСИ – Московский инженерно-строительный институт. Кто проваливается в Архитектурный, как правило, направляет лыжи туда. Есть случаи перевода из МИСИ в наш. Многие предметы совпадают, надо только доедать недостающие. Поехали, – он поднялся, – я тебя провожу. Это на Ярославском шоссе.

Татьяна послушно встала.

– Кстати, меня зовут Андрей. Это на случай, если потеряешься в метро. Вопи тогда что есть мочи: «Андрей Евгеньевич Александров! Спаситель мой! Я туточки!»

* * *

На дневное отделение Татьяна недобрала одного балла. Поступила на вечернее. Мама договорилась с начальником автобазы, и Таню оформили мойщицей автомобилей, без зарплаты и необходимости ходить на работу.

Десятого октября ей исполнилось восемнадцать лет, а одиннадцатого октября они с Андреем подали заявление в ЗАГС. Знакомя ее со своей матерью, Андрей сказал:

– Это Таня, девушка прекрасная во всех отношениях. До такой степени, что с ней невозможно дружить, а следует немедленно жениться. Моя мама, Алла Георгиевна. У меня был, то есть и остается быть в биологическом смысле слова отец. Мой папа «самых честных правил» и до недавнего времени регулярно высылал алименты из города на Неве, где проживает со своей семьей. Что еще? Да! Надеюсь, вы сольетесь в безудержной любви. Ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-nesterova/tat-yanin-dom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить